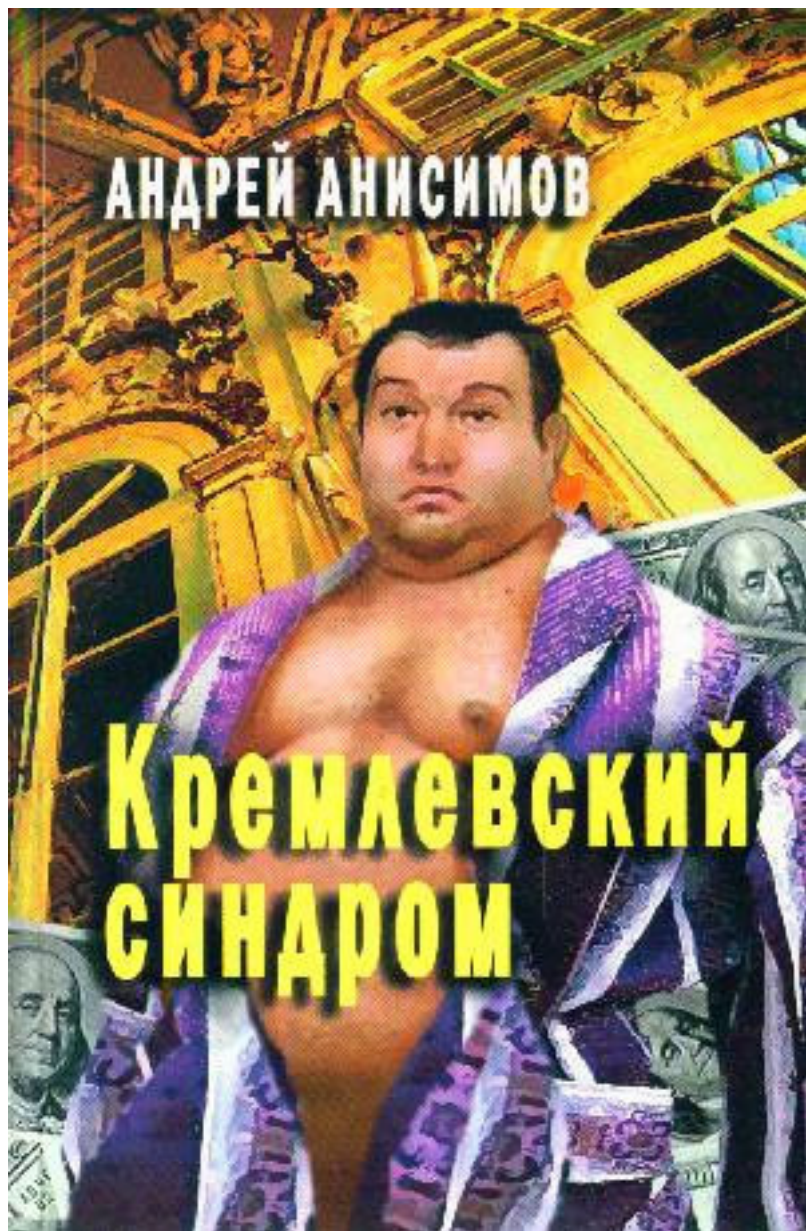

АНДРЕЙ АНИСИМОВ

Кремлевский синдром

Андрей Анисимов

Кремлевский синдром

«Автор»

2006

Анисимов А. Ю.

Кремлевский синдром / А. Ю. Анисимов — «Автор», 2006

Произведения Андрея Анисимова можно назвать исследованием образов, судеб и поступков героев, преподнесенных публике на остром, захватывающем сюжете. Предлагаемый читателю новый роман "Кремлевский синдром" не является исключением, хотя несколько отличается от остальных книг автора. По жанру это политический детектив, рассказывающий о нравах и проблемах "сильных мира сего" в современной России. Главные персонажи романа полностью автором вымышлены, но проницательный читатель без труда проведет аналогии со многими типажам из реальной жизни.

© Анисимов А. Ю., 2006

© Автор, 2006

Кремлевский синдром

Андрей Анисимов

Стена была высокой, красной и кирпичной. Казалось, она вращалась в небо, затмевая собой весь солнечный свет. Эту огромную стену построили за сотни лет до его рождения. Она была незыблема и олицетворяла силу великой страны. От нее шел вековой холод, как и от булыжников. Яша Фирман стоял на них, ощущая босыми ступнями леденящую стылость этого древнего камня и мрачную тень стены за спиной, но ему было жарко. Перед ним находился человек в костюме для восточных единоборств, с царской короной на голове и в маске, которую носят бойцы ОМОНа. Этот человек держал в руках короткоствольный автомат израильского производства. Яша понимал – несмотря на карнавальную внешность, перед ним палач и сейчас его расстреляют.

Для столь драматичного момента и сам Фирман выглядел странно взмокшая от пота махровая майка обтягивала его необъятный живот, из-под нее выглядывали трусы в мелкий горошек. Яша помнил, как купил их на пляже в Борнео. Обычно он одевался по каталогам самых дорогих магазинов, а тут что-то нашло, и он купил исподнее у туземца с тележки, да еще бросил ему целых десять долларов. А цена вещице – от силы два. Заплатив столь дорого, он сохранил покупку в своем гардеробе и иногда пользовался.

«Оказались несчастливцы – нельзя изменять привычкам и переплачивать», – подумал миллиардер о трусах и вздрогнул. Перед ним щелкнули предохранителем.

– Готовься.

– За что? – спросил Яша и опустил глаза, стараясь не смотреть в страшный кружок металла с темной точкой посередине. Его пухлые ступни с толстенькими ухоженными педикюром пальчиками нервно переступали на месте, но за массой живота он своих ног не видел.

Не увидел, а только почувствовал он и то, как под черной маской палача произошло нечто вроде улыбки:

– Тебе непонятно за что?

– Нет.

– А ты подумай. Даю минуту. – Зловещая точка, готовая выплюнуть смертоносные капли свинца, оставила его могучую грудь, незаметно переходящую в брюхо, и опустилась.

– Я ни в чем не виноват. Вы хотите погубить меня, потому что я богат.

– Ты умный парень. Зачем притворяться в последнюю минуту жизни? Ты же знаешь, как им стал.

Он знал, но не улавливал в этом ничего отличного от многих, таких же удалыцов, как он.

– Вспомни девчужку из Минска.

– Из Минска? – Он помнил девочку двенадцати лет с едва наметившейся грудью и золотистыми локонами. Маленькая проститутка из студии его друга Александра Семанова жеманничала перед камерой, и он ее тухнул, чтобы помочь режиссеру. Нимфетка билась под его тушей и даже укусила его. Девочку и после него фотографировали в разных позах, потом она выбросилась из окна. Но лично он до самоубийства ее довести не мог, поскольку видел и пользовался единственным раз.

Да, случалось, он переступал закон человеческий и закон Божий, но законы, как это ни банально звучит, пишут для бедных и Дираков, а он богат и умен. Теперь он сам через своих людей создает законы и знает цену каждому параграфу. Они стали для него таким же товаром, как акции его нефтяных компаний. Он знает цену всему. Сейчас надо назвать цену за свою жизнь, и этот кошмар кончится. В России все берут, и скоморох с автоматом возьмет.

– Миллиард, – сказал он.

– Много.

– Много? – удивился Яша. – А сколько же?

– Твоя жизнь не стоит ничего. Ты просто жирный кусок дерма, – ответил человек с автоматом и сорвал маску. Перед Фирманом стоял президент России, и лицо его Выражало гнев. Яша услышал автоматную очередь, увидел пламя, вылетевшее из зловещей темной точки, вскрикнул и... проснулся.

В огромной спальне его особняка царил полумрак. В узкую щель между гобеленовыми гардинами пробивался солнечный луч. Яша мячиком соскочил с постели, схватил со столика ноутбук, отыскал в Интернете сонник. Но про президента в нем не говорилось. Тогда Яша набрал слово «царь», поскольку запомнил корону на его голове, и прочитал: «Гневного царя во сне видеть – дурная совесть. Необходимо изменить свой образ жизни».

«Холэймес», – прошептал Фирман, выключил компьютер и раздвинул занавески. На небе светило солнце, по саду прогуливались сотрудники службы безопасности. Начинался обычный день олигарха.

«Пасты Холэймес», – повторил Яша и посмотрелся в зеркало. Его круглое щекастое лицо можно было назвать миловидным. Несмотря на излишнюю полноту, он был по-своему обаятелен и нравился определенной категории женщин. Только сейчас это лицо выглядело встревоженным, и глазки сузились, будто их поглотили щеки. «Успокойся, дебел, это всего пустые сны», – сообщил он своему отражению, но настроение миллиардера было испорчено. В туалетной комнате он стянул с себя трусы в горошек и выбросил их в мусорную корзину.

* * *

Василий Танков не был профессиональным киллером и не собирался зарабатывать этим страшным ремеслом на хлеб. Но ходил каждый день в тир именно для того, чтобы научиться бить без промаха и произвести единственный выстрел точно в сердце человека. Он с некоторых пор и прохожих воспринимал как движущиеся мишени, прикидывая, с какого расстояния мог бы попасть в «десятку», под которой подразумевал сердце.

Сегодня он тоже пришел, но несколько раз подряд мазанул – рука подвела. Последние два месяца подобного с Василием не случалось. Хозяин тира, бывший чемпион области Коля Веденяпин, уже советовал ему попробовать свои силы в республиканских соревнованиях, а тут конфуз. Особенно обидно, что опозорился в день рождения Марьяны, с которой они уже давно не виделись. Ровно два года тому назад этот день круто поменял всю судьбу Василия. Не будь того дня, даже скорее вечера, возможно, все бы сложилось иначе. Но теперь об этом жалеть поздно. Теперь в его душе одна пустота и ярость.

Заплатив хозяину тира, он сдал винтовку, вышел в маленький парк, купил в ларьке бутылку пива, уселся на скамейку и, мысленно пожелав бывшей невесте счастья в ее день рождения, начал медленно опустошать бутылку. Василий Танков оставался еще совсем молодым человеком, но был уверен – все светлое в его судьбе уже в прошлом. В будущем только один выстрел, а потом... Про «потом» он думать не хотел. В своих мыслях чаще улетал в прошлое. Сегодня прошлое ощущал особенно остро. Всю ночь не сомкнул глаз. Представлял обиженное лицо Марьяны, когда та узнала об отмене свадьбы. А как он мог вести ее под венец, решив задаться убийцей? Может быть, именно бессонная ночь и стала причиной неудачи в тире...

Навязчивая идея стать убийцей явилась к нему после того, как вернулся из плаванья и узнал о гибели Кати. Не так давно похоронил родителей, а теперь ее. Но те хоть умерили от болезней, а Катя сама...

Танков завербовался на тайландское торговое судно, чтобы заработать больше денег и построить себе с невестой дом. Не приводить же молодую жену в маленькую полуподвальную квартиру, где он обитал с двумя сестрами. Марьяна тоже ютилась с большой семьей в

тесной квартире. Вот ему и пришла мысль о доме. Строительство требовало значительных средств, и заработать их в родной Беларуси Василий не рассчитывал. Предложение о контракте на него свалилось неожиданно, от человека, с которым познакомился в кафе «Витязь». В кафе он пошел с невестой, чтобы отметить ее день рождения. В этот же день, ровно два года назад, Марьяне исполнилось двадцать. В те времена Василий днем вкалывал на стройке, а вечерами учился. Для минского парня он зарабатывал неплохо, но ему по жизни досталось еще содержать двух сестер. Старшая Люба поступила в институт, младшая Катя училась только в седьмом классе. Девушек приходилось не только кормить, но и одевать. Катя хоть и не доросла до титула барышни, но ее миловидное личико и золотистые локоны выделяли девочку среди подруг, и держать ее в золушках он стеснялся. Вася младшую сестру любил особенно, старался, как мог, баловать и едва сводил концы с концами.

– Не помешаю? – Танков вздрогнул и оглянулся. Перед ним возник бомж. Не дожидаясь разрешения, старик подсел на скамейку и жадно уставился на бутылку с остатками пива. Бродяга ждал, пока молодой человек освободит стеклотару, намереваясь ее заполнить.

Вася жил скромно, зарабатывал по случаю и все спускал в тире. Оттого свои бутылки сдавал сам. Но во взгляде нищего сквозила столь нетерпеливая тоска, что он отдал ему бутылку, так и не допив до конца пиво. Бомж мгновенно высосал остаток и побежал к киоску. Оказавшись снова в одиночестве, Василий облегченно вздохнул и снова улетел в прошлое.

Тогда на поход в кафе он выложил все свои сбережения, но продолжал опасаться, хватит ли ему денег. Марьяна даже укорила возлюбленного в излишней рассеянности. Танков ответил девушке что-то невпопад. Но эта рассеянность явилась не от охлаждения его чувств к любимой, а от беспокойства о величине счета.

В разгар вечера, поскольку свободных мест в зале не осталось, официант посадил к ним парочку. Кавалеру было хорошо за тридцать, а его девушке, наверное, еще не исполнилось и восемнадцати. Возможно, наивная косичка и легкомысленная мини-юбочка делали ее столь юной на вид, но уточнять возраст соседки Вася постеснялся.

За столом знакомятся быстро. После второго бокала Василий уже знал, что парня зовут Стасом, а его подругу Лилей. А после четвертого тоста молодым людям казалось, они знакомы всю жизнь. Стас предложил заказать еще вина. Вася, краснея, признался в стесненных средствах. Стас долго и весело хохотал. Он уже знал, что у Марьяны круглая дата, и в качестве подарка потребовал права оплатить ужин за всех. Василий рьяно отказывался, но парень и слушать не хотел. Денег у него было много. Стас только что пришел из плавания, а через неделю собирался опять в море. Он и предложил Василию отправиться с ним. Узнав, что тайландское торговое судно набирает матросов, Василий согласился. Судно ремонтировалось в Греции, и Стас дал Танцову займы на дорогу...

– Хочешь, пивком поделюсь? – Танков снова вздрогнул и оглянулся. Бомж вторично возник перед ним, но уже с полной бутылкой.

– Спасибо, пей сам, – отказался молодой человек от подношения, встал и вернулся в тир.

– Решил сам у себя отыгаться? – усмехнулся хозяин, протягивая ему винтовку.

Упрямый клиент выстрелил пять раз, почти не целясь, и все пять пуль легли в «десятку». Денег у него не осталось, но теперь стрелок чувствовал, что день прожит не зря.

* * *

– Яшка, я тебя не понимаю. Это же мои деньги!

– Не понимаешь, поц?! И это накануне покупки ТВ! Накануне африканского проекта?! Я уверен, что в Кремле в конце концов созреют, и Африка наша. Это же и им выгодно.

– Скажи, зачем тебе еще и Африка?

– Под драчка косишь?! Африка – это платина, алмазы, марганец. И все в руках дикарей.

Дроздецкий кисло улыбнулся:

– Там же невозможно работать...

– Почему невозможно?

– Туземные междоусобицы, царьки-людоеды, поголовный криминал...

Фирман нервно рассмеялся:

– Тех, кто им платит бабки, людоеды не едят. Кстати, если тебя замочили и съели, это, по-моему, куда гуманнее, чем закатывать в асфальт. А здесь одно существо утолило голод за счет другого. И как будто ты у нас с криминалом не встречался? Мы с тобой такой криминал прошли на любимой родине, что туземцам и не снилось. И заметь, сегодня криминал работает на меня, а не я на него. Так же будет и в Африке. Нет, милый, после России любые людоеды покажутся денди. Я все продумал. Ты читал мой проект?

– Просмотрел. Читать и за месяц не осилишь. Дельный проект, ничего не скажешь. Отжать американцев из Африки штука заманчивая. Но тебе-то зачем? Ты же у нас рационалист.

– Кретон, это огромные бабки. Я сначала вытесню оттуда штабников, а потом им же и впиндюрю. Представляешь, сколько они выложат за целый континент!

– Тебе бабок мало?

– Ничего ты, Серега, не понимаешь... У меня есть мозг, и он должен работать. Работать и приносить бабки. Каждый мужик в кайфе, если реализует все, что ему дала природа-мама. Если нет – наркота, пьянство, шлихи. – Фирман заметил ироничный взгляд компаньона и взвился: – Да, я трахею шлих, потому что с ними не надо Ляля про любовь, и умственные силы, чтобы уложить телку в койку, тратить не нужно. У меня силы идут на дело, а шлихи, я тебе уже говорил, для стимула. Так устроен организм Яши Фирмана.

Сергей устал от дискуссий. Он пришел совсем не за этим:

– Покоряй Африку, покупай телевизионные каналы, делай, что хочешь, но мою долю мне отдай.

– Ты или лидер, или полный дудак! – Фирман вскочил с кресла и навис над Сергеем.

Тот спокойно выдержал гневный монолог компаньона и настойчиво повторил:

– Это мои деньги, и забрать свою долю я имею право.

«Вот дрек мат фефер! И зачем я его пустил в дом», – посетовал Яша и вернулся в кресло. Обозвал мысленно компаньона на языке предков «дерьмом с перцем» Фирман от бессилия. Сергею Дроздецкому Яша отказать не мог. Приятель юности, ставший его компаньоном, позвонил вчера вечером, сообщил, что назрел серьезный разговор, и попросил о встрече. На вопрос Фирмана, что случилось, ответил, что это его личная проблема, но решать ее надо срочно.

О личной жизни ближайшего окружения олигарх имел достаточно информации. Это касалось и Сережи. Дроздецкий женился, заканчивая последний курс института, на Зинаиде Рукавишниковой. Девушка училась на том же факультете, на курс младше Дроздецкого. Женился не без задних мыслей: невеста – дочь большого начальника. Изменять Зинаиде Сергей стал уже в первый год супружества, но развестись, опасаясь гнева тестя, не решался. Их брак сначала поддерживал его страх перед отцом жены, потом проблема дележа имущества, которое к настоящему времени выражалось суммой с множеством нулей. Если поделить финансы особого труда не составляло, то дележка квартир, дач и домов за границей превращалась в головную боль. Сережа терпел, но признавался Фирману, что иногда готов жену убить. И Яша понимал, что это не совсем шутка. Дроздецкий постоянно имел любовниц и менял их часто. Но последние полгода встречался с одной девушкой. Молоденькая танцовщица Ксения из казино «Звезды Арбата» часто появлялась с бизнесменом на всевозможных тусовках. Знакомые начали поговаривать, что компаньон затеял серьезный роман. Раньше увлечения Дроздецкого их общему делу не мешали, и Фирман не беспокоился. Но неделю назад ему доложили неприятную новость – Сергей купил своей танцовщице квартиру. Причем не где-то на окраине

Москвы, а на проспекте Вернадского. На Юго-западе столицы жилье считалось престижным и дорогим. Сам Яша никогда бы не позволил себе подобной расточительности и поступка Сергея не одобрил. Конечно, тот имел право тратить свои деньги, как ему заблагорассудится, но долю – это уже слишком. Сергей продолжал наседать:

– Пойми, я в первый раз по-настоящему полюбил женщину. Почему я не заслужил обыкновенного человеческого счастья?!

По поводу счастья Фирман не возражал:

– Пожалуйста, но при чем тут твоя доля? У тебя и так на текущем счету больше десяти лимонов!

– Не знаешь Зину? Она отсудит все.

– Сам женился на суке. Кто тебе виноват?

– До брака она производила другое впечатление...

Фирман ехидно хохотнул:

– Ты женился не на ней, а на ее папе, секретаре райкома. О том, что она сука и дом их сучий, весь институт знал, поэтому побереги лапшу для других ушей. А за все в этой жизни приходится расплачиваться. Вот и расплачивайся, но не вреди делу.

Сергей начинал нервничать:

– Яша, вспомни, как мы начинали? Я, рискуя башкой, развозил наркоту по твоим молодежным клубам. Я даже Гену сдал менам, чтобы сохранить наш кооператив. Лучшего друга не пожалел!

– И поступил разумно. Если на чашке весов бабки и дружба, бабки всегда перевесят. Недаром евреи говорят «глет ид влет», что значит – «деньги это все», – ухмыльнулся Фирман.

Сергей поднялся и нервно заходил по кабинету:

– Повторяю, я полюбил женщину, хочу жениться на ней и уехать. Тут Зинаида нам все равно житья не даст.

– Что значит полюбил? Ты что, стал членом клуба «писястрадателей»? Трахей ее на здоровье, зачем жениться?

– Это ты трахаешься для здоровья. Мне это скучновато.

– Повторяю, я трахаюсь не для здоровья, а для стимула. Ты же знаешь, я работаю двадцать шесть часов в сутки. Если бы пекся о собственном здоровье, давно послал бы все на хер. А так и в твоих миллионах не малая толика моего здоровья.

– Не возражаю, ты умнее меня, ты прекрасно чувствуешь конъюнктуру рынка, и ты талантливый человек. Я всегда это помню. Но и меня пойми. – Сергей подошел к столику с напитками, налил себе полстакана коньяка и залпом выпил: – Я хочу жить с Ксенией, видеть ее каждый день, просыпаться вместе в одном доме. Ты не в состоянии этого уяснить? Сам же мне рассказывал, что твой Мальгасов женился на девочке и ушел от семьи. Почему ты ему дал денег?

Фирман рассвирепел:

– Сравнил тухес с пальцем! Мальгасов – мэр города и подставляет за нас свою жопу. Читал «Двенадцать стульев»? Там есть директор Виц. Так вот это его должность. Я выдал ему поллимона как зарплату за год вперед, и то теперь жалею. А ты просишь долю. Это же огромные деньги! Зачем тебе доля? Текущего счета на сиськи-пиписки не хватает?

– Жена контролирует все мои счета. Я не могу доллара истратить, чтобы Зинаида не узнала...

– Истратил же лимон на квартиру для своей птички... – напомнил компаньону Фирман.

– Не лимон, меньше. Она пока не знает. Если узнает, мне конец.

Фирмана проблемы друга не волновали:

– Иди ты на хир. со своими женами и шлихами. Доли не дам. Ты в курсе, какие дела я затеваю! Мы с тобой выходим на финишную прямую. Если в Кремле меня не поддержат, я их

свалю. Скоро президентские выборы. Я уже договорился о покупке трех телевизионных каналов и двух крупных газет. Поверь, это куда важнее твоих лирических бредней. С таким информационным оружием в руках толпу поведешь куда хочешь. Мы с тобой переедем в Кремль, и я все, что задумал, сделаю. Власть мне нужна, чтобы не мешали работать. И ты пойдешь на выборы вместе со мной!

Яша старался напрасно. Перспектива стать публичным политиком никогда не интересовала Дроздецкого, и доводы компаньона его не поколебали:

– Яша, я тебя по-человечески прошу. Не доводи дело до точки кипения. Я тоже не мальчик. Терплю же я твои белорусские штучки, хотя и против детской порухи.

Внезапно Фирман подобрел:

– Ладно, я помозгую. Позвони мне в четверг.

– Всегда надеялся, что ты нормальный мужик, только большой жмот. Кстати, я читал статью Коханкина в «Аргументах», где ты намекал на свое участие в выборах и поносил нынешний курс Кремля. Статька тоже навела меня на мысль выйти из игры. А сейчас ты говоришь мне об этом впрямую. Теперь мне точно пора уходить. Ты знаешь, как я люблю «белые воротнички»? – виновато улыбнулся Дроздецкий и, пожав Яше руку, направился к двери.

Провожать компаньона Фирман не пошел. Дождался, когда за Сергеем закроется дверь, вскочил, подбежал к столу и в ярости разбил об пол стакан, из которого пил коньяк друг юности.

– Все в порядке? – заглянул в кабинет начальник службы безопасности.

– Что в порядке, Руслан? Ничего не в порядке!

– Нужна моя помощь?

Фирман отмахнулся:

– Чем ты мне можешь помочь? Иди. – Аморов продолжал стоять на пороге. – Иди, я тебе сказал. Моей безопасности никто не угрожает. Сергей треплет нервы.

Аморов продолжал мяться на пороге:

– Яков Моисеевич, у меня есть проблема.

Фирман поморщился, но отказать во внимании начальнику своей охраны считал неосмотрительным. Руслан являлся щитом между ним и всем остальным миром, и этот щит за семь лет, пока они вместе, еще ни разу не дал трещины.

– Садись, выкладывай, – разрешил олигарх.

Руслан подошел к необъятному письменному столу патрона, но садиться не стал:

– Вы знаете, Яков Моисеевич, что я перевез семью с Кавказа.

Фирман кивнул, пытаясь перестать терзаться выходкой компаньона. Но даже сама возможность вывести из дела его долю бросала олигарха в холодный пот:

– Не тяни, я тебя слушаю.

– Так вот, я построил домик на Рублевке, недалеко от вас, и перевез отца с матерью и трех сестер.

– Знаю, я же тебе нашел участок. Ну и в чем проблема? – Фирману вовсе не светило выслушивать семейные хроники Аморова.

– Папа всю жизнь прожил в горах. В России он начал постоянно болеть. Вчера профессор Левитин предупредил – без гор папа скоро умрет.

Профессор Левитин обслуживал самого Фирмана. Это Яша разрешил Аморову пользоваться консультациями профессора для своей семьи. Поэтому сказать Руслану, что слова Левитина пустой звук, не имел права:

– Ты решил вернуть его назад? А как же национальные проблемы? Ингуши и все такое?

– На Кавказ в такой момент я папу вернуть не могу. Я решил купить им домик в Швейцарских Альпах. Пусть живут с мамой и девочками. Опять же где-нибудь недалеко от вашей виллы. Но естественно, куда скромнее.

– Прекрасная мысль. Мне приятно, что ты любящий сын, – все еще не понимая, куда клонится беседа, поддержал Яша.

– Мне нашли там небольшой дом за триста штук баксов.

– Дешево, молодец, – ухмыльнулся Фирман. Его шито находилось в одной из лучших курортных зон, и жилье там ценилось дорого. Самому олигарху оно обошлось в три миллиона.

– Но у меня в наличии только сто тридцать тысяч. Вы можете дать мне ссуду, чтобы хватило?

Фирман неожиданно выскочил из кресла и, громко голоса, забежал по кабинету:

– Вы все что?! Все с ума сошли! Вы все сегодня сговорились обижать меня! И ты про деньги! Я вам всем дойная корова?! Я тебе плачу десять штук баксов в месяц, и ты еще осмеливаешься доставать меня с бабками! Никому ничего не дам! Не дам, понимаете, не дам!!! – продолжая выкрикивать последнюю фразу, олигарх улегся на пол и принялся стучать ногами по паркету.

Руслан попятился, позвал помощников. Вчетвером они спустили босса вниз и усадили в лимузин. Аморозов понял, что довел своей просьбой хозяина до очередного приступа. Такие приступы часто перерастали в затяжную депрессию, которая могла длиться долго и требовала от персонала большого морального напряжения. Но сегодня Руслан своего патрона не жалел. Для горца отец и мать – понятия святые. Фирман не просто отказал самому преданному сотруднику. Он его кровно обидел.

* * *

В микроавтобусе пахло псиной, и Борисевич поморщился:

– Ты когда Рекса в последний раз мыл?

– Что он, ребенок, каждый день его мыть? Купал перед восьмым мартом, когда домой брал, – ответил кинолог Ундин.

«Сейчас июль... Правильно тебя Занудным прозвали», – подумал следователь и продолжать беседу не стал. Николай Борисевич с младенчества рос чистюлей, имел природную брезгливость ко всему неряшливому и неблагозвучному, и в другой раз Ундину бы досталось, но сегодня майор ехал на задержание, и все его мысли крутились вокруг этого.

Братьев Самановых Николай Игнатьевич вычислил давно. Их банда держала под собой не только Минск и всю республику. Связи братков-бандитов распространялись куда шире. Димка Саманов с братом Шуриком чувствовали себя как дома и в Москве, и в Питере, и в Киеве. Мало этого, за последние полгода Семановы дважды побывали в Лондоне и несколько раз в Варшаве. На счету криминальной группировки с десятков заказных убийств, рэкет белорусских предпринимателей и наркота. Борисевич доказывал начальству, что братья Самановых надо давно – косвенных улик хватало. Но начальники не торопились. Братья умели с нужными людьми быть щедрыми. В прокуратуре ордер на их арест выдавали долго и неохотно. Борисевичу даже показалось, что городской прокурор остался весьма недоволен настойчивостью следователя. Но на сей раз в руках Николая Игнатьевича имелись неоспоримые доказательства. Жена убитого на прошлой неделе предпринимателя записала по телефону голос Шурика Семанова. Тот за день до убийства звонил с угрозами и требовал денег.

Борисевич снова поморщился от запаха псины и посмотрел на Рекса. Тот лежал у ног Ундина и, вывалив огромный язык, по-доброму щурился. Глядя на добродушную зверюгу, трудно было представить, как пес всаживает клыки в удирающего бандита. Рекс за свой собачий век славно поработал и даже был два раза ранен. Карьера Рекса подходила к концу. Ему шел десятый год, а это для его профессии канун пенсии.

«Хороший зверь. Помыл бы его Ундин, так не вонял бы. Он же собака, сам не понимает», – вздохнул Борисевич и стал смотреть в окно. Они неслись по предзакатному Мин-

ску. Сзади автобус с бойцами ОМОНа, впереди «Волжанка» с группой оперативников. В пять часов утра город выглядел вымершим. Еще несколько минут, и они у цели.

Семановы владели недвижимостью в самом Минске и за чертой города. По сведениям службы наружного наблюдения, вчера после казино братья поехали на Бобруйску. Там они занимали этаж нового престижного дома-башни из светлого кирпича. Сломав перегородки, соединили четыре квартиры, но двери на разные лестничные площадки не заделывали. Поэтому все возможные выходы до начала операции Амону предстояло перекрыть. Борисевич беспокоился, не слиняли ли бандиты раньше. Он учитывал возможность утечки информации из самих органов. Братьев могли успеть предупредить о готовящемся аресте.

«Волжанка» оперативников остановилась за квартал, чтобы не спугнуть бандитов. Микроавтобус и ОМОН притормозили следом. Бойцы с оперативниками поспешили вперед. Ундин с Рексом последовали за ними. Эксперты остались дремать в микроавтобусе – погони и перестрелки в их обязанности не входили. Борисевич тоже не спешил. Его участие в задержании не требовалось. За ним доказательная база. Для этого эксперты произведут обыск, а он допросит задержанных. Но дремать Борисевичу не позволяло нервное напряжение, и он вышел на улицу. Когда Николай Игнатьевич приблизился к зданию, вспомнил, что здесь уже был. Несколько месяцев назад с балкона этого дома выпала девочка-подросток. Ему поручили расследование. И Борисевич пришел к выводу, что это несчастный случай. Девочка играла с подругой, уселась на перила и потеряла равновесие. Взрослых в квартире не было. Подруга так точно все описала, что Николай Игнатьевич ей поверил. Дети столь мастерски, по его мнению, притворяться не умеют. Но теперь, поглядывая на злополучный балкон, у Борисевича закралось подозрение. Балкон находился на последнем девятом этаже, на том самом, где обосновались бандиты. Хотя по документам братья Семановы приобрели тут жилье позже.

– Товарищ майор, можете зайти, – возник перед Борисевичем капитан Роговая.

– Взяли? – нетерпеливо поинтересовался следователь.

– Их там нет. Там вообще что-то странное. Давайте поднимаемся.

Борисевич молча пошел за капитаном. Поднялись на девятый этаж пешком. Лифты из соображения экономии по совету «батьки» в большинстве домов на ночь отключали.

Несколько бойцов оставалось на лестнице. Двое стояли у входа в квартиру. Остальные дежурили внутри. Стальную дверь в апартаменты Самановых ломать не пришлось. Оперативникам ее открыла заспанная женщина в прозрачном пеньюаре. Когда следователь вошел в квартиру, она сидела в уголке, скромно уложив руки на колени. По остаткам грима Борисевич предположил, что женщина представляет одну из древнейших профессий. Но поразить мужское воображение своими прелестями дама могла лет двадцать назад.

Майор отработал в органах больше двух десятков лет и бандитские логова повидал в изобилии. Но то, что увидел здесь, ничего общего с его прежними наблюдениями не имело. Из просторного холла с вешалкой для верхней одежды он перешел в тридцатиметровую комнату, сплошь заставленную всевозможной техникой. С десяток видеомagneтофонов студийного формата со стационарными пультами управления сделали бы честь любой телевизионной компании. Возле них находилось несколько кресел с вращающимися сиденьями. За распахнутой, обитой для звукоизоляции войлоком, дверью виднелся просторный зал. Борисевич перешел в него. Посередине зала находилась огромная кровать с пологом, а вокруг нее штативы с тремя телевизионными камерами. На штативах повыше висели прожектора. Другой мебели в зале не наблюдалось, если не считать кожаного дивана и низкого журнального столика у одной из стен. На столике сохранились следы недавней трапезы – две коробки с набором шоколадных конфет, уже изрядно опустевшие, и несколько бутылок пепси. Бутылки тоже были неполными. Подобное меню для бандитских застолий никак не подходило. Скорее здесь закусывали сладкоежки. Визуальные наблюдения следователя прервал капитан Роговая:

– Товарищ майор, пройдите сюда.

И Николай Игнатьевич послушно проследовал за ним в коридор, куда выходило еще три двери. Роговая приоткрыл последнюю и жестом пригласил Борисевича. Следователь шагнул в комнату, и весь его вид выразил полное изумление, а надо сказать, что удивить бывшего майора случалось редко.

Помещение метров в двадцать вмещало пять двухъярусных детских кроватей, которые так уважают в многодетных семьях, когда проблема места в тесной квартире стоит остро. Но самое удивительное, что кровати не пустовали. Их занимали дети. Разбуженные в столь раннее время, они сонно таращились на милиционеров. Это были девочки от десяти до тринадцати лет. Все миловидные и по-детски прелестные. В другом случае Борисевич, чтобы не нарушать ангелочкам сна, незамедлительно бы удалился. Но пребывание малолеток в логове бандитов требовало разъяснений.

– Приведи сюда эту женщину, – приказал он капитану. Тот кивнул и через несколько секунд вернулся с престарелой красоткой в пеньюаре.

– Вы кто?

– Я воспитатель частного детского интерната, – важно ответила дама.

– Кому же принадлежит это заведение?

– Дмитрию Юрьевичу и Александру Юрьевичу Самановым.

– И где сами хозяева?

– Они мне не докладывают.

– Когда вы их видели в последний раз?

– Ночью заезжали проведать, все ли в порядке, и тут же уехали.

Борисевич понял, что его подозрения не были напрасными – братьев предупредили о готовящемся аресте. Осталось только понять, как они исчезли, обманув «наружу».

У следователя звякнул мобильник. Сигнал оповещал о поступившем сообщении. Борисевич нажал кнопку и прочел – «Президент Беларуси благодарит вас за помощь в строительстве стадиона. С вашего счета снято пять долларов». Батка часто без спросу снимал со счетов своих подданных небольшие суммы на нужды державы. И хотя тарифы в республике и так были необычайно высоки, люди не роптали. Они знали – Лукашенко пустит эти средства именно на те цели, о которых и сообщает. На то он и батка.

Борисевич тяжело вздохнул (пять долларов для него не являлись мелочью), убрал мобильник в карман и обратился к «воспитательнице»:

– Где мы можем поговорить? Есть свободная комната?

– Везде ваши люди.

– Я своих людей не стесняюсь.

– Удобнее всего на кухне. Она тут просторная.

Помещение действительно оказалось просторным и совмещало функции кухни и столовой. Здесь дежурил один боец ОМОНа. Борисевич отпустил его и, указав даме на стул, уселся сам.

– Итак, можете начинать.

– Чего начинать? – она скривила напомаженные губы в подобие улыбки и стрельнула в следователя глазами.

– Сначала представьтесь, – майор не скрывал раздражения. Стареющая проститутка в роли воспитательницы уважения у него не вызвала.

– Могиле, Татьяна Аскольдовна, – ответствовала дама.

– Образование?

Женщина вздохнула и, выдержав значительную паузу, произнесла:

– Среднее незаконченное.

– Соответствующих документов, разрешающих педагогическую деятельность, у вас, конечно, нет?

– Вы правы, товарищ начальник. Мы работаем с узким кругом знакомых и детей посторонних граждан не привлекаем. Поэтому нам всякие оформления без надобности.

Борисевич отметил «товарищ начальник» и усмехнулся. Это было сказано тоном опытного зека.

– Кто же те родители, что доверили вам своих девочек?

Ответить Татьяна Аскольдовна не успела. В кухне появился капитан Роговая:

– Товарищ майор, вас срочно просят эксперты.

– Подождите меня здесь, – приказал Николай Игнатьевич даме и быстро вышел. Капитан провел его в первую комнату, где располагалась аппаратная. Эксперт Тищенко без слов указал следователю на работающий экран. Борисевич посмотрел и покрылся красными пятнами. На экране взрослые мужчины занимались грубым сексом с малолетними девочками.

– Здесь не только кассеты. Все процессоры набиты детской порнографией.

Борисевич почему-то опять вспомнил девчушку, что вывалилась с балкона:

– Я должен посмотреть их все.

– Это займет в лучшем случае не меньше суток, – предупредил эксперт.

– Ничего. Пусть мне организуют кофе и не отвлекают. Кстати, удалось выяснить, как слиняли братки?

– Удалось. Рекс помог найти лаз. Они смылись через чердак. Окошко чердака выходит на крышу соседнего дома. А там очень удобная пожарная лестница.

Борисевич выругался, что делал крайне редко, и уселся в кресло. Сейчас майору милиции предстояло, глядя на экран, стараться гасить свои эмоции.

* * *

Фирман пятый день в офисе не появлялся. Неприятный разговор с компаньоном все-таки вызвал у него очередной приступ депрессии. Такие приступы случались редко, но иногда длились неделями. Яша запирался в спальне, требовал водки и шлих. Девушек ему возили автобусами, а в качестве закуски подавали маслины. Во время загулов иной еды олигарх не употреблял, отчего спускал килограммов пятнадцать, которые потом на удивление быстро к нему возвращались. Поднос с напитками и маслины прислуга ставила у порога. Фирман не разрешал никому, кроме девок, заходить внутрь. Сейчас на его постели возлежали три проститутки – полноватая хохлушка, худая долговязая крашеная блондинка из Тулы и смуглая, смахивающая на цыганку, Лида из Подмосковья. Еще четыре красотки занимали два кресла и ковер. Несколько девиц служба безопасности придерживала в своем флигеле, на случай замены. Желание перемен у Яши возникало спонтанно, и предсказать их сотрудники не могли.

Сейчас его внимание занимала хохлушка. Яша поставил ее на колени и, хлопая по бедрам, пытался возбудиться. Но внушительные прелести послании самостийной Украины его страсти не разожгли. Подергав девушку за грудь, Фирман встал, подошел к столику и выпил рюмку шведской водки. Затем согнал задремавшую в кресле шлиху и уселся в него сам:

– Потрахайте друг друга, а я посмотрю, как это у вас получится.

Девицы послушно перебрались на постель и начали изображать лесбиянок. Яша поглядывал на их игры, но от мыслей, связанных с просьбой компаньона, избавиться не мог. Потом почему-то вспомнился странный сон, в котором его расстрелял сам президент. Он пытался себя убедить, что это обыкновенный бред спящего, но в то же время понимал – подсознание сработало неслучайно. В последние месяцы об изменениях в Кремле он размышлял часто. Путин его начинал раздражать.

Лида из Тулы широко раздвинула худые ноги, и цыганистая смуглянка делала вид, что целует ее заветное место. Фирман поморщился. Ему стало противно:

– Эй ты, костлявая, вали отсюда.

– Вы мне? – спросила Лида.

– Тебе. – Девушка встала, подняла разброшенную по полу одежду и попыталась в нее облачиться. – Я же тебе сказал, проваливай. Оденешься там, – Яша кивнул на дверь и добавил: – Скажешь Эдику, чтоб тебя заменили.

Эдик Ярцев служил Фирману секретарем, помнил, кому и что обещал хозяин на два года вперед, и еще отвечал за качество поставляемых боссу девок.

Лида сгребла вещи и, держа их у маленьких грудок прыщиками, пошла к двери. Жрица любви верила – свои двести долларов она получит, и уход из теплой компании ее не расстраивал. Позу Лиды приняла полненькая хохлушка, и смуглянка продолжила прерванный процесс. Хохлушка с раздвинутыми ногами эстетических чувств олигарха не оскорбляла. Он съел маслину и вернулся к своим мыслям.

Еще совсем недавно Яша мнил себя полным хозяином в стране. И это не являлось, как олигарх сам любил говаривать, «обыкновенным жидовским потном». Сам Фирман, после того как его состояние перевалило за миллиард, перестал считать себя евреем. Он величал себя Человеком Мира. И не просто существом наднациональным, а небожителем, принадлежащим к малочисленной касте избранных, магическому клану верховных судей всего человечества. И если для коллег он продолжал нести маску доступного брата по бизнесу, то делал это только из соображений меркантильных. Маска позволяла выжать из помощников больше, нежели личина недоступного владыки. Недаром Фирман завел правило – любой служащий его империи может войти к нему в кабинет без предварительной записи.

Девушки вяло копошились на постели, и Яша разозлился. Он не любил, когда его приказы выполняют формально:

– Я вам что, спать велел?! Работайте, сучки, – окрик подействовал, и девицы зашевелились проворнее. Хохлушку обхаживали всей компанией – целовали, лизали, массируют. Яша успокоился.

Да, он по праву в числе небожителей планеты, а здесь в этом российском захолустье и вовсе остался один. Гусинский и Береза бежали и могли таявкать только из-за кордонного забора. Абрамович, как и остальные члены «семьи», передал свои деловые активы державе, за что получил право жить в удовольствие, не мешая Кремлю строить свою вертикаль, и даже принимал немалое участие в этом строительстве. А он, Фирман, небожитель действующий, живет как кошка, сам по себе, и никто ему не указ. Но некоторое время назад Яша начал замечать давление государства, к институтам которого относился весьма пренебрежительно. Единственно, что его устраивало в России, так это вседозволенность набитого кошелька. Во всем остальном он видел родину бесперспективным аморфным образованием, населенным пьяницами, бездельниками и ворами. Что, кстати, частенько подтверждалось на деле, поскольку локомотивом его поезда давно стали взятки и подкупы должностных лиц любого ранга, не исключая и народных избранников. Богач обитал в кругу себе подобных или мечтавших в этот круг попасть. Среди названной публики честь и совесть давно стали товаром. О существовании других граждан с отличными понятиями олигарх представления не имел.

Девицы довели хохлушку до экстаза, и она от удовольствия принялась громко стонать. Эти стоны отвлекли Яшу от посторонних размышлений. Он тяжело поднялся с кресла и перебрался на постель. Развалив свою огромную тушу, потребовал, чтобы девы, включая хохлушку, переключились на него. Но и их коллективные усилия не приносили успеха. Яша сопел, но не возбуждался.

На смену Лиде в спальню вошла высокая дева с пепельными волосами. Одежд на ней не было, в одной руке она несла бокал с вином, в другой бутылку. Маленькая женская сумочка болталась у нее на плече. Пригубив вина и не без иронии поглядывая, как ее «коллеги» убажуют олигарха, бросила сумку на ковер и уселась в кресло.

– Тебе нравится смотреть? – угрюмо поинтересовался Яша.

– Не могу сказать, чтобы зрелище меня завораживало, но такого хряка, да еще в столь цветистом окружении, я раньше не видела. А я люблю все новое.

– Умная очень?

– Была бы очень умная, ты бы меня здесь не увидел. Может быть, не совсем дурра. Тебе это не нравится?

– Станок у тебя вполне. Иди сюда. Сначала я тебе воткну, а потом и поговорим.

– За разговоры с вами мне бабки не обещали. А насчет воткнуть, если найдете что – пожалуйста. Я, собственно, для этого здесь, – все это девица произнесла уже на пути к постели. Пока шла, в ее сумке зазвонил мобильный. Она нагнулась, достала трубку, отключила и убрала обратно. Фирман не без любопытства за ней наблюдал:

– Поработайте всем кагалом, тогда, может, и найдется. Я уже пятые сутки вас драчу, – проворчал Яша. Но девушка его заинтересовала.

Постель Фирмана хоть и была огромной, но границы имела. Чтобы поместить новенькую, остальным пришлось потесниться. Но пепельная красавица предпочла оседлать клиента:

– Можно, я на тебе покатаюсь. Ты такой круглый, как здоровенная бочка.

– Не заляпайся, девка, – беззлобно предупредил Яша и погладил пепельной бедра. – Тимус, а не копка. Пожалуй, я созрел, – сообщил он и напрягся. Но попытка овладеть красавицей закончилась неудачей. Утомленная плоть по-прежнему подчиняться хозяину не желала.

– Не торопись. Оплата у меня почасовая, так что спешить некуда, а ты козлик богатенький, – успокоила новенькая. Фирман приподнялся, посадил ее себе на колени:

– Говоришь, не совсем дурра? Любопытно, – и, оглядев притихших на постели девиц, приказал: – Валите отсюда. Хохлушка пусть ждет в доме, а остальные свободны.

Пепельная улыбнулась:

– Как мило. Мы остались вдвоем... Кстати, меня зовут Аллой.

Фирман хохотнул:

– Я предпочитаю имен блядей в тыкву не закладывать.

Она стиснула зубы:

– Бумажник позволяет хамить девушке?

– Уточняю: не девушке, а шлихе. Но раз ты Алла, принеси водки и маслины.

Он проследил, как она соскользнула с него, грациозно подошла к столику, наполнила маленький граненый стаканчик водкой, себе в бокал добавила вина и, погрузив на поднос еще и вазочку с маслинами, вернулась к постели. Алла действительно была прелестна. В ней проглядывал некий рафинированный надлом и признаки человеческой породы, что даже в смазливых потаскушках встречается крайне редко. Наблюдая за ее пластикой, Яша, наконец, ощутил желание. Забрав у нее из рук поднос, поставил его на пол, сгреб девушку и навалился на нее всей своей тушей.

– Господи, никогда не спала с бегемотом! Ты же меня раздавишь, – простонала Алла, но Фирман впился ей в губы, и говорить она больше не могла. Любовная возня огромного толстого мужчины с хрупкой девой напоминали сцену из фильма ужасов или одну из картинок великого Гойи. В его серии карикатур «Капричиос» подобные сюжеты имели место. Но художник рисовал аллегории, а здесь все было в натуре и потому куда отвратительнее.

Возился Яша долго. Утомленный многодневным развратом, он устал, и только профессиональное мастерство Аллы позволило ему завершить процесс достойно. Удовлетворенный олигарх тут же захрапел. Девушка приподнялась, с брезгливым удивлением оглядела тушу спящего клиента – бабья грудь, складки жира и маленький ярко-фиолетовый шрам на необъятном брюхе. Похоже на укус, подумала о шраме Алла.

– Нравлюсь? – продолжая храпеть, спросил Яша. Он спал чутко, всегда контролируя ситуацию. Этой уникальной особенностью обладают многие люди большого достатка. С первым миллионом приходит страх потерять его, а заодно и голову. Интересы богатея быстро меня-

ются. Вместо интерьеров приобретенной недвижимости, престижных иномарок и скоростных катеров, его начинают интересовать камеры наблюдения, системы сигнализаций, поиск надежных телохранителей. Важнейшим сотрудником богача становится начальник его безопасности и – прощай, крепкий сон.

– Нравлюсь? – повторило он свой вопрос и открыл глаза. Они были заплывшие от длительного пьянства и злые.

– Кто тебя за живот укусил?

– Обезьянка одна. Так, из мира животных...

Алла усмехнулась:

– Зверюшек трюхаешь?

– Не твое дело.

– Не хочешь, не говори. – И она опустила ноги на пол.

– Ты куда?

– Кажется, я уже отработала.

– Нет. Ты мне понравилась. Останешься у меня.

– Надолго?

– Когда надоешь, выгоню. Штука в день. Годится?

– Хорошо, козлик. Но если еще раз назовешь меня блядью, заплатишь две.

– Много.

– А сколько, по-твоему, стоит хамство?

– Оно ничего не стоит. Но тыщонку рублей, так и быть, набавлю.

– Ты еще и жмот?

– Да, я не люблю выбрасывать деньги. Они мне тяжело достаются.

– По тебе видно – кожа да кости. Не хочешь платить штуку, верни себе хохлушку. На Украине и тысяча рублей бабки.

– Дурра, когда я стану президентом, вспомнишь, кто тебя трюхал, и загордишься.

– Ты – президентом?

– А что тебя удивляет? Всякая мебель продается, и президентское кресло тоже.

– Хочешь превратить нашу страну в большой бардак?

– А еще говоришь, не совсем дурра? Это сейчас бардак, – Яша выпил залпом и забросил в рот масленку: – Не согласна?

– Ты о чем? – она думала о его предложении остаться и не слишком внимательно следила за ходом беседы.

– О бардаке. Коньки спиваются. Работать даже за деньги никого не заставишь. Только в Москве еще кое-кто шевелится, а за Кольцевой мрак.

– Не знаю. Мне кажется, многие работают.

– Коньки говорят – «когда кажется, креститься надо».

– А Коньки – это кто?

– Коньки – это русские.

– Значит, я Конька?

– И ты тоже. Но ты работать умеешь.

– Спасибо. Как ты хочешь заставить работать остальных?

– Не нужно изобретать велосипед. Есть американская модель, надо ее перенести в Россию. Американцы помогут.

– И статую Свободы в Кремле поставишь?

– Возможно. В стране рабов статуя Свободы всегда к месту.

– Твои американцы тоже рабы? Что-то новенькое.

– Да, рабы. Они изобрели великую систему. Ни лагерей, ни репрессий, а все пашут. Народ живет в кредит. Дай мужику дом, машину, в придачу мечту стать миллионером – и он твой

раб. Не захочет работать – все у него отнимешь, и еще посадишь в тюрьму. Будет пахать до старости как миленький. А кредит еще и на детей перейдет. Они не успели родиться, а уже рабы. Что ты пьешь? – Яша взял из ее рук бокал и сделал глоток: – Дрань.

– А мне нравится.

– Нравится, травись.

– Ты добрый, – она допила свой бокал и задумалась.

– Чего затихла?

– Перевариваю. Не будут русские брать американскую модель. У нас американцев не любят.

– Грузины тоже не любили, а теперь правительство этого гордого народа получает зарплату у штабников. И не из рук Конгресса, а из кассы американской религиозной секты. И им не стыдно. Я уж не говорю об Украине с их оранжевой революцией. Все зависит от количества бабок, влитых в нужное время и в нужном месте. Я там тоже поучаствовал, все же родина...

– Ты родился на Украине?!

– Да, на западе.

– У меня в Киеве подруга живет. Вот где теперь настоящий бардак.

– Нет хозяина. Хохлы думают об одном – кому достанется отсосать от российской газовой трубы. Кто у власти, у того гешефт. Они и делят. Хохлы еще хуже фоник. Холопы, но с самомнением. Шестьдесят миллионов, а своей государственности не имели никогда. Ничего, я и их построю, у меня в Хохляндии большие бабки крутятся, – Яша вдруг расхохотался. Вся его туша начала сотрясаться от этого странного хохота. Алла вздрогнула и отодвинулась на край постели:

– Чего ржешь?

Он не мог ответить. Из заплывших глазок текли слезы. Так же внезапно успокоился:

– Чего я ржу, спрашиваешь? Над собой. С блядью затеял политбеседу.

Алла улыбнулась:

– С тебя две штуки баксов.

– Дорогая ты, сучка, но я подумаю. Что-то в тебе есть.

– Что же во мне есть?

Он притянул ее к себе и бросил на постель:

– Пока не понял. Но Эдику вынесу за тебя благодарность. Угодил мне Ярцев.

– В тебе тоже что-то есть, – усмехнулась Алла, оправляя прическу: – И я даже знаю – что.

– Что же? – живо заинтересовался Фирман. Ничто на свете не волновало его так, как собственная персона.

– Много бабок. Такие бабки из любого козлика сделают душку.

– Опять заляпаешься?

– Ты спросил, я ответила.

Фирман подумал было обидеться и вышвырнуть ее вон, но решил не обижаться. К нему внезапно пришла идея:

– Можешь сделать мне маленькое одолжение?

– Могу, если это не оральный секс. Этого не люблю.

– Моя просьба к «гребле» отношения не имеет.

– Проси. Смогу – сделаю.

– Я тебе дам один номерок. Позвонишь по нему, спросишь Зинаиду, расскажешь ей, что Сергей Дроздецкий задумал жениться на танцовщице из казино и уже купил ей на Юго-западе квартиру. Если поинтересуется, кто звонит, ответишь – подруга плясуньи.

– Жестоко. Что тебе сделал этот парень?

– Он решил меня разорить.

– Понятно. Когда звонить?

– Прямо сейчас.

– Тогда давай сюда телефон.

Фирман испугался:

– Нет, киска, с моего нельзя, – и подняв с ковра ее сумку, протянул Алле: – Звони со своего мобильного. И про меня ни слова.

– Смотри, не расплатишься, – усмехнулась она и набрала номер.

* * *

Жора Копецкий потянулся в кресле, выключил настольную лампу и компьютер. За окном разливалась белая муть рассвета. Программист просидел восемь часов не вставая, и все концы спрятал. После обыска на квартире Самановых сайт в Интернете «Машенька и медведь» надо было срочно уничтожить. Потерять базу данных Жорки вовсе не хотел. Сайт приносил ему приличные деньги, много меньше, чем владельцам, но на безбедную жизнь хватало. Надо сменить адрес, поменять название, и вперед с песнями. Возродить налаженный и проверенный бизнес в любом другом месте опытному программисту труда не составит. Завтра он уедет в Москву и переговорит с руководством Омега-Групп. Копецкий поднялся с кресла, ноги едва держали. Правая совсем онемела. Пришлось постоять, дожидаясь, пока наладится кровообращение.

«Может, кофе выпить?» – подумал он и тут же понял, что делать этого не будет. Остаться еще хоть на десять минут в рабочем помещении ему было противно. Окинув напоследок взглядом свое тесное царство, набросил на плечи куртку и вышел на лестницу. Трехэтажный домик, где Копецкий снимал полуподвальную квартирку, строили пленные немцы. Стены тут были толщенные, окошки маленькие, и звуки улицы внутрь почти не проникали. Он достал связку ключей, чтобы запереть стальную дверь на три замка, и почувствовал удар. Больше ничего не помнил. Очнулся в своем рабочем кресле с жуткой болью в затылке.

– Очухался? – услышал он глуховатый голос и попытался разглядеть, кому он принадлежит. Но в комнате стоял полумрак, и он различил лишь темный силуэт высокого мужчины.

– Больно, – сказал Жорки и снова получил жестокий удар в живот. Мучитель подождал, пока жертва перестанет выть, и спокойно предупредил: – Могу еще больше. Я вообще пришел резать тебе башку.

Корчась от боли, Копецкий пытался сообразить, от кого заявился незванный гость. Если мены, то они по одному не ходят, а этот, кажется, один. Жорки решил тянуть резину и, пока ситуация не разъяснится, изображать шок от боли.

– За что бьете? – спросил он жалобным голосом.

– Я тебя пока не бью. Я с тобой только поздоровался. Вот если ты начнешь крутить, получишь по полной программе.

– Вы кто?

– Ты хочешь выяснить мое имя?

– Нет. Я хочу понять, за что меня бьют.

– Слушай внимательно. Я знаю твои игры с детьми. Если не сделаешь, что я прошу, ответишь жизнью. И не милиции, а людям, которым твой бизнес не нравится. Тебя разрежут на мелкие кусочки и спустят в сортир. Ты меня понял?

– Не совсем, но это неважно. Что я должен делать?

– Ты связан с банком Омега-Групп. Надо устроить одного человека в службу безопасности Яшки Фирмана.

– Я не уверен, что смогу. Фирман человек очень осторожный, может меня не послушать. И вдобавок мы не так хорошо знакомы...

– Жить захочешь, сможешь.

- Кто человек, которого надо устроить?
- Его зовут Василий. Он бывший моряк, и ему нужны деньги. Скажешь, что он твой близкий друг и служил в войсках морского десанта.
- Я завтра буду в Москве и постараюсь вам помочь.
- Постарайся. Не сможешь, из-под земли достану и зарю. Я все твои норы знаю. И здесь, и в Москве, и в Питере.
- Кто вы?
- Будешь меньше знать, целее будешь. И смотри, задумаешь проговориться Фирману, ничего тебя не спасет.
- Ладно. Как мне с вами связаться?
- Я сам тебя найду, – ответил незнакомец и нанес Журику страшный удар в живот. Когда программист разогнулся и наладил дыхание, в комнате уже никого не было.

* * *

Следователь республиканского Управления МВД Николай Игнатьевич Борисевич ханжой не был. И даже не слишком раздражился, узнав, что его пятнадцатилетний сын Митя смотрит по Вадику фильмы, мягко говоря, не слишком пристойные. Как отец, он считал, что для подростков интерес к интимной части жизни человека является естественным, а порнографические ленты служат им чем-то вроде учебных пособий. Застав однажды отпрыска за подобным просмотром, он сделал вид, что не заметил происходящего на экране. Но на другой день, когда они завтракали вдвоем, незаметно завел разговор о сексе и высказал подрастающему чаду свои отцовские соображения. «Понимаешь, Митя, я никогда не пользовался проституткой. Знаю, что они бывают красивые. Но ты сам подумай, тебе приятно усесться в ванну после бомжа?» Митя покраснел и отрицательно замотал головой. Видимо, образ, созданный отцом, вызвал живой отклик в его психике. Чистоплотностью подросток пошел в папу. Они с отцом вместе боролись с привычками мамы разбрасывать вещи, а потом искать их часами. Митя не выносил пыли по углам и сам пылесосил каждый день квартиру.

«Видишь, тебе стало неприятно, – продолжил тему родитель. – А эти красотки не только вбирают в себя коктейль от разных мужчин, но еще и могут наградить тебя таким подарком, от которого ты будешь лечиться до старости».

Вспомнив возмущенное лицо наследника, Борисевич не сдержал улыбки. Завтрак у них тогда затянулся. Отец поведал чаду о своем первом интимном свидании с девушкой. Эта была юношеская любовь Борисевича-старшего. Прекрасные воспоминания от близости с любимой он хранил всю жизнь и поделился ими впервые. Сын спросил, почему тогда отец женился на маме, а не на той девушке? Борисевич признался, что возлюбленная рассталась с ним, когда он устроился работать в милицию. В ее семье к этой профессии относились с неприязнью. Дедушка возлюбленной погиб во времена репрессий, а ее отец был уволен за инакомыслие из Минского университета, где преподавал историю. Свой лирический рассказ Борисевич закончил словами: «А потом я полюбил твою маму». Еще Николай Игнатьевич рассказал сыну, что близость физическая без любви и духовной совместимости – удел слабых или ленивых. Но разъяснить свою позицию не успел. Вернулась жена.

Да, ханжой он не был, но после двухчасового просмотра кассет из «студии» братьев Сумановых испытал такое омерзение и ярость, что вынужден был прервать процесс и выйти на улицу. Минут десять курил и боролся с переполнявшими его эмоциями. Затем распорядился привезти кассеты к нему в рабочий кабинет. И теперь, сидя у видеомагнитофона, тянул время, пытаясь отсрочить продолжение пытки. Еще раз пролистал папку с делом о несчастном случае с двенадцатилетней Катей Танцовой и еще раз перечитал показания ее подружки Вали Щербины. Помимо этих показаний в деле имелись записи допросов студентки Любы Танцовой,

старшей сестры Кати. Катя училась в школе, и Люба заменяла девочке умершую мать. Она не могла прийти в себя от несчастья и во время допроса выглядела подавленной. Старший брат Василий, который и содержал обеих сестер, тогда находился в плавании, и поговорить с ним у Борисевича не получилось.

Просматривая омерзительные кадры детской порнографии, следователь пытался заглушить чувства и спокойно работать. Он искал выпавшую с балкона Катю среди девочек, которых перед видеокамерой изошренно пользовали «артисты»-педофилы. Но пока на экране она не возникала. В деле имелось всего две карточки погибшей. Он боялся, что по ним живую Катю, если и увидит, не узнает. Ему нужны еще фото. В деле фигурировал домашний телефон Танцковых, и Николай Игнатьевич позвонил. Услыхав мужской голос, поначалу решил, что ошибся номером, но на всякий случай попросил к телефону Любовь Ивановну Танцкову.

– Ее нет.

– А с кем я говорю? – спросил Борисевич

– Поскольку звоните вы, а я вас не знаю, неплохо бы представиться, – ответили в трубке.

– Следователь управления майор Борисевич, – назвал себя Николай Игнатьевич и пояснил: – Я вел дело о гибели Кати.

– А я Василий Танцков. Брат Кати.

– Вы моряк? Вернулись с моря? – наконец догадался майор.

– Моряк я бывший, а вернулся два месяца назад.

– Почему не зашли? Я же просил Любовь Ивановну передать вам мою визитку и связаться со мной.

– Не вижу смысла. Раз вы признали несчастный случай, либо вас подкупили, либо вы дрянной следователь. И в том, и в другом случае мне с вами говорить не о чем.

– Если у вас имеются основания подозревать преступление, тем более вы обязаны поделиться со мной своими соображениями. А какой я следователь, решать не вам. Не заставляйте меня прибегать к повестке, а срочно зайдите. Это очень важно.

– Хорошо, через час буду.

– И захватите все фотографии Кати, которые есть в доме.

– А это еще зачем?

– При встрече я вам все объясню.

Положив трубку, Борисевич, наконец, включил видеоманитофон. Он наловчился теперь быстрее прокручивать отвратительные кадры. Оператор перед началом сексуальных игр крупно показывал всех участников. В режиме быстрого просмотра Борисевич имел возможность проследить появление нового фигуранта, но избежать омерзительных подробностей процесса. На третьей пленке после минутного показа он нажал на стоп-кадр. На экране появилось знакомое лицо. Борисевич увидел не Катю Танцкову, он узнал ее подругу Валю. Эту девочку он прекрасно запомнил, поскольку разговаривал с ней несколько часов. Вела она себя непосредственно, как милый ребенок, потрясенный гибелью подруги. На экране же Валя достаточно профессионально доставляла удовольствие накачанному смуглому парню, смахивающему на латиноамериканца. Ни робости, ни испуга лицо ее не выражало. Девочка закатывала глаза и издавала сладострастные стоны. Борисевич, вспоминая девчущку на допросе, с трудом верил, что Валя в его кабинете и развратная потаскушка на экране – один и тот же ребенок. В сюжетах следующих трех пленок фигурировали мальчишки-подростки. Даже при быстром просмотре майора едва не стошнило. Оператор слишком смаковал физиологические подробности. Борисевич и к совершеннолетним геям относился с нескрываемой брезгливостью, а наблюдать, как здоровенный мужик крутит ребенка, устанавливая его в удобных для себя позах, ему было по-настоящему трудно. Все же он заставил себя перемотать три пленки в скоростном режиме, чтобы не упустить появления на экране Кати. Изготовитель данной продукции был горазд на выдумки и мог добавить фигурантку и к чисто «мужской» компании.

Но Кати он так и не обнаружил. Не оказалось ее и на следующих пяти пленках. Зато на одной из них снова увидел Вальку Щербину. Оставался последний ролик, когда в дверь постучали.

– Войдите, – разрешил следователь и выключил видеомагнитофон.

– Я Танцков, – с порога сообщил визитер и замер, пронизав следователя острым тяжелым взглядом.

– Присаживайтесь, Василий Иванович. Спасибо, что зашли, – и майор указал на стул возле своего стола.

Танцков присел на краешек. Борисевичу тут же передалось нервное напряжение посетителя. Он почувствовал возле себя горящего, словно факел, человека и немного растерялся. Боль за младшую сестренку являлась вполне естественным чувством для ее брата. Но Кати не стало более полугодом назад, а по состоянию Василия это случилось как бы вчера.

– Вот фотографии, – Танцков вынул из внутреннего кармана куртки пачку снимков и протянул следователю. Николай Игнатьевич стал их внимательно рассматривать. Делал он это нарочито долго. Борисевича фото уже не так интересовали, он знал, что не проглядел Катю во время просмотра. Он искал форму беседы с посетителем. Тот молча ждал. Наконец Борисевич заговорил:

– Недавно появились косвенные улики, способные изменить заключение о несчастном случае с вашей сестрой. Возможно, ее убили, а возможно, довели до самоубийства.

– Не слишком ли запоздалое прозрение? – резко поинтересовался Василий.

– Не слишком. Срок давности еще не истек, и право наказать виновных у закона остается. И я сделаю все возможное, чтобы это произошло как можно раньше.

Танцков пристально взглянул в глаза Борисевича, тот взгляда не отвел.

– Неужели вы сразу не поняли, что Катю убили? – спросил Василий, но голос его звучал уже не так жестко.

– У меня был единственный свидетель, девочка Валя. Она ровесница Кати. Ее показания выглядели достаточно искренне. Если бы это был взрослый человек, я мог бы и усомниться. Но просечь, что ребенок уже столь опытная актриса, я тогда не сумел.

– А теперь сумеете?

– Теперь у меня появилось средство заставить свидетельницу рассказать правду.

– Не поделитесь, что за средство?

Борисевич развел руками:

– Пока следствие не закончено, не имею права.

– Слова не держите. По телефону, когда просили фотки, обещали объяснить зачем.

– Квартиру, где произошло несчастье с вашей сестренкой, не так давно приобрели уголовники, которых мы сейчас разыскиваем. По документам на время происшествия квартира принадлежала матери Вали. Уверен, что уже тогда де-факто она использовалась бандитами. Потом новые владельцы сломали стены и создали из четырех квартир этажа нечто вроде киностудии. В ней при обыске изъято много видеодокументов. Если на них вдруг окажется ваша сестра, это станет неоспоримым доказательством их участия в ее трагической судьбе. Имена уголовников пока назвать не могу.

– Подозреваете братков Сумановых?

Борисевич не смог скрыть удивления:

– Ведете собственное расследование?

– Сумановы подонки, но мою сестру погубил другой человек.

– Вы знаете кто?

– Знаю, но вам не скажу. Я с ним сам разберусь.

– Решили вершить самосуд?

– У меня нет выбора. До этого типа вам не добраться. Он купит и вас, и ваших судей.

Борисевич с трудом сдержался:

– Я похож на взяточника или у вас есть основания подозревать меня в этом?

– У меня нет оснований. И люди про вас говорят хорошо. Не возьмете, вас просто уничтожат.

– А вас нет? – усмехнулся следователь.

– Николай Игнатьевич, Катя моя сестра, и я не боюсь смерти, а вам рисковать резона нет. Если схватите Сумановых, уже неплохо. Эти твари давно заслуживают смерти. Хотя наш гуманный суд выдаст им лет по пять, а через год они на свободе...

– Вы неправы. Если Сумановы помимо всех дел окажутся еще и педофилами, из лагеря им живыми не выйти. Такого в зоне не прощают.

– Туда им и дорога. Я могу идти?

– Вы не имеете права скрывать от меня факты, если они у вас есть. Рассказывайте и уходите.

– Если назову фамилию подонка, который заходит в Кремль, как к себе домой, вам это, кроме головной боли, ничего не даст.

– Он живет в России? – Живо откликнулся Борисевич, оставив без внимания остальную информацию.

Василий поднялся:

– Он может жить где угодно. В Москве, в Лондоне или в Нью-Йорке. Денег у него на это хватит. Больше я вам ничего не скажу.

– Подождите, я хочу поговорить с вашей сестрой Любой. Попросите ее ко мне зайти.

– Не попрошу.

– Тогда придется вызывать ее повесткой.

– Вызывайте. Только Люба мне больше не сестра и в Белоруссии ее нет. Она где-то в Европе или в Америке. Я сам не знаю точно где.

– Как не сестра?!

– Это наше личное дело, и обсуждать его с вами я не собираюсь.

– Напрасно вы так себя ведете, – проворчал Борисевич, но задерживать Василия больше не стал.

Оставшись один, он позвонил в отдел наружного наблюдения и попросил установить за Танцовым слежку. Затем выписал повестку, в которой приглашал для беседы Валю Щербину и ее родителей. Теперь у него были кассеты, и изображать белокурого ангела девочке уже не придется.

* * *

В четверг Дроздецкий Фигману не позвонил. Не позвонил он и на другой день. Яша проснулся и понял, что его идея образумить компаньона с помощью Аллы оказалась спасительной. Он вышел из депрессии и был готов работать по двенадцать часов в сутки.

– Завтракать будете на веранде или подать в столовую? – Фирман не заметил появления Эдика и от неожиданности вздрогнул.

– Чего тебе? – поморщился олигарх.

Секретарь покосился на обнаженную Аллу, которая, подложив под щеку ладошку, сладко спала рядом с боссом. Он шепотом повторил вопрос и напомнил о расписании дня хозяина:

– Яков Моисеевич, в одиннадцать тридцать у вас интервью на «Эхе Москвы». В четырнадцать заседание в Еврейском фонде, на котором вам предстоит выдать премии ветеранам организации, после чего провести выборы в новый совет. В пятнадцать десять переговоры в офисе с норвежскими партнерами.

– Заткнись, Эдик, – раздраженно прервал секретаря Яша. Алла демонстративно отвернулась к стене, натянула на себя простыню и укрылась ею с головой. Не обращая на спящую внимания, Фирман громко заявил: – После интервью на «Эхе» поеду в Завидово. Обещал режиссеру Хайкину взять его с собой на охоту. Даник начнет снимать про меня кинофильм. Хочу, чтобы в первых кадрах зритель увидел Фигмана с ружьями. Оружие внушает людям уважение. К тому же опробуем новый катер – поднимем морскую волну на водохранилище. Сто штук баксов на него истратил, а ни разу не прокатился...

– А как же фонд и норвежцы? – без всяких эмоций напомнил Эдик.

– Пархатые и сами проведут собрание и сами себя наградят. А на селедочников пошли Арнольда.

Эдик знал – слишком давить на хозяина нельзя. Если пережать, снова может удариться в черный загул.

Кофе подали на открытой веранде. Просидев пять дней на водке и маслинах, олигарх скопил зверский голод. Он и в обычные дни завтракать привык торопливо и обильно. Мог с утра съесть несколько бутербродов с икрой, затем с бужениной, еще что-нибудь горячее и обязательно большой кусок шоколадного торта. Буженину он уважал с детства. Мать всегда покупала ее в угловом гастрономе его родного города. Но такой буженины в Москве не найти даже миллиардеру. Ту привозили из Ужгорода, присыпанную красным перцем.

Родители Яши хоть и были евреями, но в Бога не верили, прошли пионерию, комсомол, вступили в партию и свининой не брезговали. Яша тоже отсутствием аппетита не страдал и вкус имел разнообразный и весьма изысканный. Но, заботясь о своем желудке, в России иноземных чудес избегал. Например, суши из сырой рыбы он позволял себе только в Японии. Сырую рыбу безопасно есть свежей. Пока ее довезут до кухонь московских ресторанов, рыба способна превратиться в отраву. Недаром в столичных больницах появились пациенты, зараженные экзотическими паразитами. Рисковать своим здоровьем олигарх не собирался.

Чернокожая Элиот подлила из кофейника кофе и добавила сливок. Фирман опустошил чашку одним глотком и перешел к копченому угрю. Жирный сок деликатесной рыбы стекал по губам, лосня ему щеки. Дома Яша ел жадно и некрасиво, словно всегда был голоден. Обычно такое случается с людьми, выросшими во времена лихолетья или в нищих семьях. Но к детству олигарха это не относилось. Его отец с матерью хоть и не были миллионерами, но получали вполне приличные зарплаты и сына в еде не ограничивали. Наоборот, как в большинстве обеспеченных еврейских семей, старшие радовались, когда ребенок ест много и, случалось, собственными стараниями нарушали отпрыскам обмен веществ. Возможно, и Яшу раскормили в детстве. В результате он страдал ожирением и непомерным аппетитом.

Пока хозяин насыщался, а Элиот предупреждала каждое его желание, секретарь Эдик монотонно зачитывал распорядок дня. Его нудный гнусавый голос наводил тоску, но Эдик обладал фантастической памятью, еще более фантастическим терпением, и босс его ценил. К тому же с секретарем Яша говорил так же откровенно, как говорил бы сам с собой. А должен же быть на свете хоть один человек, которому не опасно выкладывать то, что на уме. Правда, секретаря он воспринимал скорее как удобную вещь, хотя тот все же реагировал на слова хозяина и реагировал адекватно, но комментировать их никогда себе не позволял.

– Пора начинать предвыборную компанию. Хочешь стать секретарем президента?

– Вы рассчитываете занять его кресло? – вяло поинтересовался Эдик.

– А почему бы нет?! Есть только одна проблема. Фоньки не захотят жида-президента. Но и это преодолимо. Фрадкова терпят... Никогда не мог простить родителям, что произвели на свет жиденка.

– Вы хозяин. Вам решать, – уклончиво отозвался секретарь. Но ни радости, ни волнения от перспективы заделаться секретарем руководителя страны не выказал.

«До чего же нудный пидер», – подумал Яша о своем работнике и вытер рот чайным полотенцем. Мужчины, лишенные азарта к жизни, который он сам понимал как азарт к накоплению дензнаков, казались ему кем-то вроде кастратов.

Мулатка унесла кофейник. Яше нравилось, что в доме служит чернокожая девушка, которая не понимает по-русски. Сам он говорил по-английски вполне сносно. Вообще Яшу Господь способностями одарил сполна. Окончив технологический институт, он прекрасно разбирался в сельском хозяйстве, банковском деле, тонко чувствовал перспективы отечественного и зарубежного рынков, мог предсказать за полгода вперед цены на нефть и золото, а главное, умел из своих способностей извлекать огромные прибыли.

В кармане секретаря комаром пропел мобильник. Эдик вынул трубку и молча выслушал сообщение:

– К вам Мальгасов приехал. Умоляет принять, – продолжая держать трубку возле уха, доложил он боссу. Фирман поморщился:

– Что надо этому поцу?

– Не знаю, Яков Моисеевич. Но просто так он из Тюмени не прилетел бы.

– Хер с ним. Распорядись, чтобы пропустили.

Эдик передал согласие босса и убрал мобильник в карман. Мэр закрытого города в Тюменской области, где у Яши имелся нефтеперерабатывающий завод, беспокоил его редко. «Что-то случилось», – понял олигарх.

Мальгасов выглядел ужасно. Лицо красное, глаза опухли. Вбежав на террасу, огромный мужчина, не здороваясь, бросился перед Яшей на колени:

– Выручай, Яков Моисеевич. Я же на тебя честно работал.

– Давай без Шекспира. Мы не на сцене. Себя ты тоже не обижал, – поморщился олигарх. – Можно ближе к делу.

– Случайно узнал, что Катонтов выписал ордер на мой арест. Спаси! У меня молодая жена. Я не могу в тюрьму.

Фирман помнил – фамилия Катонтов принадлежит прокурору Тюменской области. Он вообще помнил фамилии всех людей, хоть раз произнесенные в его присутствии.

– Что шьют?

– Не знаю. Боюсь, пронюхали про нашу фирму на Кипре. Я туда недавно посылал помощника. На обратном пути в Москве его арестовали.

– Когда?

– Три дня назад.

– Придурок, тогда и надо было кипиш поднимать.

– Виноват, думал, обойдется. Мало ли что Сеня натворил. Он выпить не дурак. Мог в отеле дебош устроить.

– Поц моржовый, если у человека в кармане больше десяти штук баксов, за дебош его не арестуют. наших ментов не знаешь? А у твоего Сени их гораздо больше. – Яша молча протянул пухлую ладонь Эдику, секретарь так же молча вложил в нее свой мобильник. Хозяин грузно поднялся и, набирая на ходу номер, удалился в глубины дома. Мальгасов продолжал пребывать на коленях, но при появлении Элиот, кряхтя, выпрямился, взял со стола оставленное Яшей полотенце и обтер лоб. Мулатка с каменным лицом унесла остатки посуды. Мальгасов дождался, пока она скроется из виду.

– Мне страшно, – сказал он Эдику. Тот развел руками, словно речь шла о курсе доллара. Гость из Тюмени не мог остановиться: – Понимаешь, Лера вышла за меня еще на втором курсе института, никогда не работала и привыкла ни в чем не нуждаться. Она ведь совсем молоденькая. Ты же знаешь, я недавно развелся и женился снова. – Ярцев со слов хозяина знал, что «старый козел Мальгасов» не устоял перед чарами молоденькой польки и, оставив сорокасемилетнюю супругу, женился на девочке девятнадцати лет, хотя детей своих любил безумно и

оставленной семье помогает по полной программе. Поняв по жесту Ярцева, что тот в курсе его личной жизни, Мальгасов продолжил: – Старший Костя неделю назад вернулся из армии и еще не работает, а младшему Коле только четырнадцать. Что с ними будет?!

– Проживут на сбережения, – ответил Эдик, и в тоне секретаря впервые промелькнуло что-то вроде сочувствия. Ему показалось странным, что губернатор отпустил родного сына в армию.

– А если конфискация? – продолжал жаловаться Мальгасов.

– У вас и за кордоном что-нибудь имеется. Вы же тертый мужик, в одну корзину яйца класть не станете.

Мальгасов криво усмехнулся:

– Вот и квась бабки после этого. Посадят, тогда они просто бумага...

На столь риторический вопрос Ярцев решил не отвечать. Не дождавшись реакции, гость внезапно воскликнул:

– Господи, зачем нам все это?!

– Что, все? – не понял Эдик.

– Деньги, дома, тачки! Сколько может съесть человек?! Даже твой хозяин? Ну, килограммов десять в день. Больше и он не съест. И всех девок, как ни старается, на член не напаялит. Для чего все это?!

Отреагировать Эдик не успел. Вернулся Яша.

– Поздно. Помочь тебе уже не смогу, – раздраженно сообщил олигарх.

Мальгасов тут же сник, растеряв всю патетику:

– Что же мне делать?

– Пускайся в бега. О семье я позабочусь. В аэропорт тебе ехать стремно. Заляг в Москве. У тебя же здесь, кажется, есть родственники. Недели через две на перекладных за кордон. А сейчас катись отсюда. У меня тебе оставаться нельзя, – и Яша обратился к секретарю: – Пусть его незаметно вывезут в город, а дальше сам. Не мальчик уже...

На пороге террасы застыл сотрудник службы безопасности Амиров.

Фирман толстым указательным пальцем ткнул в его сторону, повернул перстень на левой руке камнем вниз, и сказал Мальгасову:

– Тебя проводят, – и, отследив взглядом удаляющуюся понурую спину неудачливого компаньона, уселся в кресло. Сидел не шевелясь минут пять. Эдик каменел рядом. Яша заговорил тихо, словно размышлял вслух:

– Вот что, мой дорогой козлик. Кажется, Кремль начал военные действия против Омега-банка и всей нашей империи. Думаю, что это ответ на статью Коханкина. – Фигман замолчал и задумался. Ярцев знал, хозяин имеет привычку замолкать в середине фразы, и терпеливо ждал. Газету Эдик видел. Она валялась возле постели олигарха, и секретарь просмотрел статью. В ней оплаченный боссом журналист намекал читателям о возможности на следующих президентских выборах возникновения неожиданных, далеких от политики имен. Как пример приводил фамилию Фигмана. Яша тем временем закончил размышлять и заговорил снова: – Мальгасов только прелюдия. Им нужен я. Охота и катер отменяются. Только интервью на «Эхе». Попытаюсь в прямом эфире успокоить Кремль и всем запудрить мозги.

Секретарь привычно кивнул и вышел. Яша продолжал сидеть в кресле и смотреть в сад. Но деревьев и цветов не видел. Перед глазами снова возникла картина страшного сна, когда его расстреляли у кремлевской стены. «Вот и не верь приметам», – усмехнулся он про себя.

Сладко потягиваясь, на террасе появилась Алла. Коротенький халатик едва скрывал ее прелести. Оглядев Фигмана, спросила:

– Ты расстроен? Могу утешить, – и, не дождавшись ответа, уселась на перила балкона, отчего ее длинные ноги предстали перед Яшей во всей красе. Фирман pokrивился:

– Исчезни. Понадобись, позову. Мне сейчас не до ваших пиписек.

Алла молча соскочила с перил и удалилась. Он посмотрел ей вслед и вспомнил, что после телефонного разговора Аллы с женой компаньона он подписал с проституткой контракт на полторы тысячи долларов в день. Сейчас жалел, что сделал глупость. Она бы и за пятьсот с ним осталась. Психика олигарха вписывалась в бородатый анекдот про грузина, который объяснял проститутке свое нежелание с ней расплачиваться – «когда он твердый, душа мягкая, когда он мягкий, душа твердая». Сейчас у Яши душа отвердела, и он решил попросить начальника службы безопасности навести об Алле справки.

Сад и особняк Фигмана скрывала высокая кирпичная стена. Она была гораздо ниже той, что привиделась ему во сне, но тоже весьма внушительная. Только веяло от нее не древним камнем, впитавшим в себя историю веков, а свежееотпечатанными денежными знаками с изображением заокеанского президента.

Ворота из бронированной стали раскрылись бесшумно. Черный БМВ выкатил из них и помчал по узкой бетонке. Затемненные стекла салона и так скрывали пассажиров от постороннего глаза, но Мальгасова на всякий случай уложили на пол между сиденьями. В таком положении его внушительная фигура испытывала дискомфорт. Но страх перед арестом не давал мэру закрытого города роптать на обращение. Он понимал, что уложили его так для его собственной пользы. Ехали минут двадцать. Куда, Мальгасов не видел. Он лишь почувствовал, когда приличная дорога закончилась и они затряслись по кочкам. Потом машина остановилась.

– Выходи, – приказал служащий безопасности.

Мальгасов с трудом приподнялся:

– Мы уже в городе? Так быстро? – Он выбрался наружу и понял, что оказался в лесу. Почему в лесу, выяснить не успел. Его застрелили.

Водитель и сотрудник безопасности опустошили карманы убитого; напрягаясь мышцами, пронесли тело к обрыву оврага и бросили вниз. То, что раньше называлось мэром режимного города, несколько раз мешковато перевернулось и шмякнулось между остовом ржавого холодильника и несколькими стертymi покрывками от грузовика. На дне оврага жители ближайшего жилья устроили свалку. «Похоронив» тюменского гостя, молодые люди вернулись к машине и уехали. Вся процедура заняла менее часа.

Фирман так и не покинул террасу и успел съесть еще внушительный кусок шоколадного торта. Заметив, как в ворота въехал черный внедорожник, с облегчением вздохнул и потянулся.

– Что-нибудь еще? – Элиот пришла забрать опустевшую тарелку и напугала хозяина.

– Появляешься, как привидение, – проворчал он. Девушка не поняла и повторила вопрос.

– Доставь, шоколадная, маленькое удовольствие своему господину. Надо расслабиться перед интервью, – попросил олигарх по-английски и распахнул халат. Негритянка послушно опустилась на колени. В этот момент на террасе снова возникла Алла.

– Уже изменяешь?

Фирман и не думал смущаться:

– Дать одной шлюхе «в голову» вовсе не значит изменить другой, – и, закатив глаза, милостиво разрешил: – Можешь ей помочь.

* * *

роздецкий погладил Ксению по волосам и посмотрел на часы:

– Мне пора, моя девочка. А так не хочется от тебя уходить.

Она не ответила, а только обхватила его шею руками, прижалась к нему своей крепкой маленькой грудью, поцеловала в щеки, в глаза, в губы и зашептала:

– Сереженька, мне ничего от тебя не надо. Давай уедем прямо сейчас, хоть в Австралию. Чем дальше, тем лучше. Не нужно нам дожидаться твоих денег. Здесь нас погубят. Сам Фирман

нас уничтожит. Он страшный человек. Я про него много слышала. Он за столик подавится, а за столько миллионов он тебя и меня убьет.

Сергей нежно ее отстранил:

– Ксюша, что ты говоришь?! Мы с юности вместе. Яша мой самый близкий друг. Мы с ним, как говорится, пуд соли вместе съели. И ты напрасно о нем так. Фирман по-настоящему талантливый человек. Личности такого масштаба я больше по жизни не встречал. Ты даже не представляешь, как работает его мозг! В нем весь мир. Яша не просто поглощает пласты информации, он их тут же перерабатывает и всегда в своих прогнозах оказывается прав. Сейчас он закончил огромный труд. Придумал, как Россия может без оружия покорить Африку, и передал свою разработку в Кремль. Я уверен, если эта идея дойдет до президента, Яша реализует ее. Он гений!

Она снова бросилась ему на шею и зашептала:

– Не верь ему. Для него деньги дороже дружбы. Неужели ты этого не понимаешь? Ты же умный.

Сергей вдруг вспомнил слова Фигмана – «Если на весах дружба и бабки, бабки всегда перевесят». Но не мог поверить, что, говоря это, Фирман подразумевал и его, Дроздецкого. Яша говорил вообще, так сказать, абстрактно. К другу юности его слова относиться не могут. Ксения продолжала шептать страстно и отчаянно:

– Давай убежим. Я буду работать. Везде есть кабаре, которым нужны хорошие танцовщицы. Да и ты еще не старый. Для мужчины сорок три – не возраст, найдешь себе дело.

Сергей поцеловал ее долго и нежно, но все же поднялся. А она не могла остановиться:

– И твоя Зинаида развода не даст. Убежим, Сереженька.

Он начал одеваться. Ксения перестала шептать, молча наблюдая за ним. Уже одевшись, он подошел к тахте и еще раз поцеловал ее на прощание:

– Ксюша, все будет хорошо...

В холле нового дома, где Дроздецкий купил Ксении квартиру, сохранялся запах цемента и стоял охранник. Сергей кивнул ему и вышел на улицу. Его спортивный «Мерседес», откликаясь на кнопку кодового замка, мигнул габаритами. Сергей сел за руль, но трогать с места не спешил. Он еще был полон Ксенией, ее нежностью и любовью. Он понимал, девушка не притворяется. Она боится жизни, боится больших денег. В казино, где она танцует, богатые приезжают часто. Из постоянных клиентов многих уже нет. Молодые красивые парни, способные легко спустить за вечер несколько тысяч долларов, так же легко уходят из жизни. Большие деньги пахнут смертью.

Ехал медленно. Так не хотелось возвращаться домой. Не хотелось видеть жену, разговаривать с ней, отвечать на ее ехидные вопросы. Свернул на Никитский бульвар. Ресторан Дома журналистов еще не закрыли. Огромный «Кадиллак» отчалил, освободив место у тротуара. Сергей припарковал машину, миновал дворик, где стояли столики с припозднившимися посетителями, и направился к бару.

– Сергей Андреевич, присаживайтесь, у меня свободно. Оглянулся и увидел Коханкина. Журналист сидел один, и его покрасневшее лицо говорило об изрядной дозе принятого за вечер спиртного.

– Здравствуй, Вова. Скучаешь?

– Да я тоже только заехал. Весь вечер в «Лукойле» на пресс-конференции проторчал.

– По тебе не скажешь. Морда сильно красная.

– Они потом фуршет устроили. Знают, нашего брата на сухую не заманишь. Водка, икра, все путем. А я вас поздравляю.

– С чем? – не понял Сергей.

– Как же, ваш компаньон в большую политику намылился. Станет президентом, бизнес вам отдаст.

– Не нравится мне это, – ответил Сергей. – Но дело его. Он человек взрослый, сам за себя в ответе.

– Не понимаю, зачем ему эта головная боль? Власти захотел? Так у него деньги, а деньги и есть власть.

– Нет, Фигмана власть сама по себе не интересует. Он хочет реализовать несколько своих глобальных замыслов. Если сегодня в Кремле его не поддержат, он пойдет на штурм.

– У богатых свои привычки. Кстати, напомните Якову Моисеевичу, что он со мной за статью еще не расплатился. В кредит больше писать не буду.

– Напомню, если не забуду. Сам знаешь, Яша денег давать не любит. Сразу не получил, теперь будешь за ним бегать.

– Может, вы отдадите?

– Сколько?

– На пять штук договаривались...

– Пусть сам платит. Я в политические игры не играю.

Журналист усмехнулся:

– Неправ Яков Моисеевич... Политику с прессой надо дружить. Мы народ злопамятный...

Сергей на замечание журналиста не отреагировал, жестом подозвал официанта и, заказав себе коньяка с лимоном, спросил Коханкина:

– Тебе еще пива или водки выпьешь?

– Ничего не хочу, – ответил журналист. – Допью свое, и домой. Завтра в аэропорту президента латинов встречать. Еще выпью – с койки не встану.

Официант принес заказ. Дроздецкий, как водку, залпом влил в себя коньяк, зажевал лимоном, поднялся и, бросив Коханкину «Желаю удачно встретить их президента», быстро покинул бар. До Бронной, где обитал Сергей, от Дома журналистов не больше пяти минут езды. В это позднее время на Бульварном кольце пробок не наблюдается, и добрался он быстро. Охранник хорошо знал его машину и моментально поднял шлагбаум. Теперь лифт и семейное гнездо.

Кодовым ключом открыл дверной замок квартиры, шагнул в прихожую и уперся в горящий взгляд супруги.

– Явился? – свистящим шепотом спросила она, продолжая сверлить его испепеляющим взглядом.

«Интересно, сколько времени она дожидалась меня в прихожей? Час, два, сутки...» – подумал Сергей, но ошибся. Супруга не караулила его часами в холле. Она сидела возле монитора. Камеры наблюдения работали и перед уличным парадным, и перед дверью на лестничной площадке.

Зинаида проследовала за мужем в гостиную, дождалась, пока он усядется в кресло, и устроилась напротив.

– Рассказывай о своих подвигах, паршивец, – к шипящим змеиным интонациям добавил металлический холодок.

– Что ты хочешь услышать? – спросил Сергей, догадываясь, что о его романе кем-то доложено.

– Все рассказывай. И про квартиру на Юго-Западе, и про все остальное.

Неверный супруг понял, что выкручиваться бесполезно:

– Да, Зина, я полюбил другую женщину и хочу просить тебя о разводе.

Она резво вскочила с кресла, подбежала к мужу и ткнула ему под нос выразительный кукиш:

– Вот тебе развод! Я тебе отдала свою молодость, лучшие годы отдала. Мне сорок два...

– Я тоже отдал тебе лучшие годы, – вяло возразил Сергей. – Можешь понять, я тебя больше не люблю.

Она расхохоталась смехом истерички:

– А ты меня никогда не любил. Ты меня использовал. Кем бы ты был, если не мой отец? Мелким спекулянтom театральными билетами. Помнишь, как вы с Фигманом крутились возле касс. Так вот, милый, теперь этим не прокормишься. Залы в театрах пустые.

– Зачем вспоминать? Почти все наши олигархи начинали с билетов. Кстати, Фигману твой папа не помогал, а он тоже теперь билетами не торгует. Мы с ним построили целый синдикат.

Она встала посередине гостиной и, как деревенская баба, подперла руками бока:

– Вы с Фигманом два подонка. Думаешь, я не знаю, как вы начинали? Ничем не брезговали. Торговали шлюхами, наркотиками. Я еще тогда записала на пленку ваш разговор с Назимовым. Он в мой дом привозил эту дрянь из Душанбе. Могу прокрутить. Послушаешь, как вы торгуетесь.

Дроздецкий вскипел:

– Ты всегда была сукой. Можешь засунуть эту пленку себе в задницу. Теперь у нас другая страна.

– Я сука?! Это ты сучонок. Думаешь, у меня кроме этой пленки ничего нет?! У меня много чего есть. Я знаю, как вы уходите от налогов через Кипр. Как грабите конкурентов, подстраивая им банкротства. Как даете взятки судьям! Вы же обыкновенные воры.

– Дура, этого ты не докажешь. А докажешь, и у тебя все конфискуют. Ты же моя жена, и у нас все общее.

– Я не дура. О налогах промолчу. Я сделаю проще. Я расскажу Тимофею, как ты сдал его брата и своего самого близкого друга Гену ментам. Тимофеей крутой парень, он с тобой церемониться не будет. Он тебя размажет.

– Темка тебе не поверит.

– Не поверит?! Кретин. – Она выбежала из комнаты. Сергей слышал, как Зинаида хлопнула дверью спальни. Вернувшись, бросила ему в лицо листок. Сергей поднял его и начал читать. Это были его показания, те самые. Голос Дроздецкого задрожал:

– Откуда это у тебя?

– Купила. За штуку баксов мне их в прокуратуре наксерили с десятков. Не знаешь, как с людьми работать? У тебя научилась.

– Что ты хочешь?

По голосу мужа Зинаида поняла, что он сломлен:

– Отберешь у этой шлюхи квартиру. На твоих проститутках я давно закрываю глаза. Ищешь на стороне грязи, пожалуйста. Но разрушать семейную крепость не позволю. И сына грабить не позволю. Он учится в Кембридже и будет ученым. Платят им немного, но зато он войдет в жизнь не мразью, вроде вас с Фигманом, а настоящим джентльменом. И нуждаться мой сын не будет. Я этого не допущу. Да и я на старости лет ходить с протянутой рукой не намерена.

– Отпусти меня, Зина. Я все тебе оставляю.

– Что ты мне оставишь?

– Свою долю в «Омега-Групп».

– Долю? – Она снова истерически расхохоталась. – Ты надеешься, что твой жиденек выдаст твою долю? Он не такой дурак. Он хоть и подонек, но куда умней тебя. Шлюхам квартиры не покупает и лишнюю копейку не истратит. Он даже жратву с банкетов домой привозит. А ты говоришь – долю.

– Он обещал...

– Все равно не отдаст, да и не нужна мне твоя доля. У меня есть муж, и становиться матерью-одиночкой я не желаю. Разговор окончен. Если через неделю ты не продашь квартиру и не вернешь семейные деньги, я позвоню Тимофею. А теперь пошел вон. Смотреть на тебя противно.

Дроздецкий встал и поплелся в свой кабинет. Он понимал, что Зинаида способна на все и ее словане пустые угрозы. Фирман прав – он вступил с ней в брак по расчету, и теперь пришло время расплачиваться по счетам.

* * *

Майор Борисевич видел в окно кабинета, как к Управлению подъехала машина и из нее вышла девочка и двое взрослых. Он узнал Вали Щербину и ее мать. Мужчину Николай Игнатьевич раньше не встречал. Он проверил пленку в магнитофоне, вставил в видеомагнитофон нужную кассету и зачем-то причесался.

За свою долгую практику следователь повидал разных людей. Среди них были и настоящие чудовища, вроде серийного убийцы Гурова. Бывали и примитивные рецидивисты, у которых действовал один инстинкт – ограбить и пропить. Проходили через него и бандиты с размахом, умеющие красиво пожить и пустить пыль в глаза. Иногда среди них попадались занятные субъекты, не лишённые своеобразного благородства. Некоторым подследственным он в душе даже симпатизировал. Но родителей, торговавших своим кровным дитятей, ему раньше встречать не доводилось. Борисевич не мог их понять, поскольку такое выходило за грань его разумения. Как можно отдать ребенка для разврата?! Будучи вполне нормальным мужчиной, Николай Игнатьевич и извращенцев понимал с трудом. Гомики и лесбиянки вызывали у него физическое отвращение, и он искренне удивлялся нравам, царящим в развитых европейских странах. Удивлялся, что там между ними официально регистрируют браки и еще устраивают гей-парады. Но то были взрослые люди. В конце концов, если им так нравится, черт с ними. Но педофилы?! К ним Борисевич питал особую ярость. Он даже не пытался как-то осмыслить их порывы. С его точки зрения, это были опасные звери-выродки. Что-то вроде мутантов из фильмов ужаса. Будь его воля, педофилов Николай Игнатьевич расстреливал бы на месте. Причем мог это делать лично, и рука бы не дрогнула. А эти отдавали своих деток. Девочек, что спали в квартире-студии братьев Сумановых во время обыска, так же, как и их родителей, Борисевич уже допрашивал. Все они по разным причинам или боялись братьев-бандитов, или зависели от них.

Эксперты, проработавшие с изъятыми материалами, успели поделиться с Борисевичем своими соображениями. Так что общие контуры этого вида преступной деятельности братьев-уголовников начинали проступать. Это был бизнес, основанный на низменных человеческих инстинктах, и состоял он из двух направлений. Первое – операторы снимали порнофильмы и Сумановы торговали видеокассетами. Второе – фотографы делали снимки того же содержания на цифровые камеры. Эти снимки шли на порностраничку в Интернет. Страничка была платной. Специалисты установили, что оплачивали любители детской клубнички свои виртуальные удовольствия карточками Омега-банка. Банк принадлежал к синдикату Омега-Групп, основной пакет акций которого находился в руках одного человека. Имя этого человека Яков Фирман. Связь братьев Сумановых с синдикатом Омега-Групп могла оказаться и случайной. Банкиры нередко обслуживают клиентов, не слишком вдаваясь в детали их бизнеса. Но также нередко банки финансируют проекты, в которых активно участвуют сами. Как обстоит дело в данном случае, Борисевичу предстояло проверить. Он приготовил для отправки факс коллегам в Москву, но выслать его решил после допроса Вали Щербины. Девочка пока осталась единственным свидетелем гибели Кати Танцковой.

Успел следователь навести справки и о семье Вали. Отец их бросил. Ее мама вышла замуж вторично. Отчим, красивый мужик, моложе жены на три года, оказался пьяницей и тянул из жены деньги на выпивку. Галина Викторовна, так звали маму девочки, обожала второго мужа и материнскими обязанностями часто пренебрегала. Ради мужа она продала свою квартиру братьям Сумановым и отдала в их студию свою дочурку. Все это сейчас Борисевич прокручивал в голове.

Услышав стук в дверь, он сразу внутренне собрался, надел маску бесстрастного чиновника и разрешил войти. Валя остановилась на пороге. Чтобы проникнуть в кабинет, родителям пришлось ее подтолкнуть.

«Волнуется», – отметил про себя майор и указал посетителям на стулья. Валя присела на дальний стул, который стоял у двери.

– Нет, девочка, не сюда. Садись поближе, так нам разговаривать будет удобнее. – Валя нехотя перебралась поближе к письменному столу. Выдержав небольшую паузу, Николай Игнатьевич обратился сразу ко всем троим: – Итак, барышни, дамы и господа, будем говорить правду или смотреть кино? – При слове «кино» Валя покраснела до ушей. Галина Викторовна, наоборот, побледнела. Только отчим продолжал сидеть как ни в чем не бывало, с едва заметной улыбочкой на губах. Поскольку ответа не последовало, Борисевич сделал вывод: – Значит, кино. Но перед тем как начать просмотр, я бы хотел познакомиться с отчимом Вали, – и, кивнув мужчине, попросил: – Назовите себя, пожалуйста.

– Как назвать? – удивился тот.

– Имя, отчество, фамилия, год рождения.

– Лохницкий Степан Гаврилович. Одна тысяча девятьсот семьдесят восьмого года.

– Что вы хотите нам показать? – в голосе мадам Щербины послышалось нарастающее напряжение.

– Гадость хочу показать. Мне, постороннему человеку, смотреть было трудно. Не знаю, как сможет это выдержать родная мать? Но поскольку при нашей прошлой встрече Валя мне здесь так вдохновенно врала, я, чтобы не повторять спектакля, вынужден это сделать.

– Не надо. Я сама все расскажу. Только вам и один на один. Пусть Валя и Степа подождут в коридоре.

Выражение лица Степана Гавриловича резко изменилось. Безмятежная улыбка уступила место удивленному взгляду:

– Галя, почему я должен выйти? Ну, Валя понятно – она ребенок. Переживать заново весь ужас того дня ей незачем. А я человек взрослый. И потом, что это значит? Ты мне рассказала не все?

Глаза Галины Викторовны покраснели, а ресницы быстро заморгали, и она умоляюще взглянула на следователя. Но Борисевич и не думал ее жалеть. В душе он эту женщину, как родителей и других малолетних «артистов», успел возненавидеть. Она не могла не знать, чем занимается ее ребенок в частной киностудии. Но чувств своих он не выдал:

– Гражданка Щербина, ваша дочь, несмотря на юный возраст, уже достаточно повидала, чтобы вы не берегли ее детскую душу, а вашему мужу, если он не знает, узнать все равно придется. Ему воспитывать Валю дальше. Хотя, будь моя воля, я бы вас родительских прав лишил.

Галина Викторовна расплакалась:

– Я не знала, что там с ними делают. А когда узнала, они мне начали грозить, и я испугалась.

– Если мне Валя все честно расскажет, кино мы смотреть не будем. Но должен вас, гражданка Щербина, предупредить. Детская порнография попадает под статью уголовного кодекса

Белоруссии. Поскольку вы знали, чем занимается ваша дочь и не сообщили об этом властям, вы можете попасть под эту статью за соучастие.

– Я боялась бандитов, – повторила Галина Викторовна, вытирая платком поплывшую тушь на ресницах.

– Помощь следствию облегчит вашу вину. Давайте перейдем к делу.

– Что здесь происходит?! Объясните мне, наконец! – громко потребовал Степан Гаврилович. Следователь посмотрел на его растерянное лицо и тихо сказал: – Степан Гаврилович, чрезмерные эмоции могут помешать Вале и Галине Викторовне давать показания. К тому же ваше благородное негодование меня не трогает. Вы тянете деньги из жены себе на выпивку и не очень интересуетесь, откуда она их берет. Или молчите, или выйдите в коридор.

– Нет уж. Я останусь. А наши внутренние семейные дела никого не касаются.

– Оставайтесь. Это ваше право, – разрешил Борисевич и включил магнитофон. – Итак, гражданка Щербина, судя по имеющейся у нас видеозаписи, ваша дочь, так сказать, работала в студии братьев Сумановых «актрисой» более полугода. Я должен знать, сколько времени они провели вместе с Катей Танцовой в этом вертепе?

– Валечка, ответь дяде, – попросила девочку мама.

– Катя жила с нами меньше месяца.

– Она тоже снималась в сюжетах для кино?

– Да. Но после того дня дядя Саня все пленки уничтожил. И нам говорить о Кате не велел.

– Дядя Саня – это Александр Юрьевич Суманов? – решил уточнить Николай Игнатьевич.

– Да, взрослые его называли так, – подтвердила Валя.

– Как я понимаю, Катя уже освоилась на вашей студии, раз провела там почти месяц.

Почему она решила броситься с балкона? Или ее кто-то сбросил?

– Нет, она сама выпрыгнула. Она боялась толстого дядю.

– Какого толстого дядю? – насторожился следователь.

– Я его не знаю. Он был с Катей, когда ее только привезли. Она очень кричала и укусила его до крови.

– Говорила – куда?

– Да, она укусила его за живот. Ему потом прикладывали мазь и заклеивали живот пластырем.

– Откуда ты знаешь такие подробности, если не видела его?

– Тетя Таня рассказала.

– Татьяна Аскольдовна Могилец? – решил и на этот раз уточнить Борисевич.

– Да, тетя Могилец.

– Значит, тетя Могилец этого дядю видела?

– Да, она и лечила ему живот.

– Хорошо. Рассказывай, почему Катя боялась толстого дядю?

– Потому что он игрался с ней без камеры и чуть ее не задавил.

– Он ее изнасиловал?

– Господи, Галя, и ты все это знала? – Степан Гаврилович вскочил с места и с ужасом смотрел на жену.

– Успокойтесь, гражданин Лохницкий. Сядьте и не мешайте мне работать, – потребовал следователь, и когда тот послушно опустился на стул, снова обратился к Вале: – Так он ее изнасиловал?

– Он делал с ней то же, что все дяди с нами делают, только без камеры.

– Толстый дядя часто к вам приходил?

– Нет. Один раз. Потом он уехал.

– Куда уехал?

– Я не знаю.

– Если он уехал, почему Катя его так боялась?
– Катя плохо работала. Все время пыталась убежать. Но дядя Саня ее не пускал, потому что заплатил за Катю большие деньги, а она их не отработала.
– Кому заплатил?
– Ее сестре Любе.
– Ясно. Так почему же Катя бросилась с балкона, если толстый дядя уехал?
– В тот день к нам пришел сниматься дядя негр. А Катя не хотела работать с негром. Чтобы заставить Катю хорошо работать, дядя Саня ее пугал толстым дядей. В то утро он сказал Кате, если она не выполнит работу, он отдаст ее этому дяде, потому что он опять приехал.

Через час Борисевич знал подробности того рокового дня. Сумановы, помимо квартиры Галины Викторовны Щербины, оплатили еще три квартиры на девятом этаже дома, но в то время еще их не оформили и не успели сделать ремонт. Расследуя самоубийство девочки, Борисевич не подозревал, что за стенкой находится законспирированная студия. Квартира Щербины использовалась как общежитие для маленьких проституток, но внешне выглядела вполне обычно. Когда Катя бросилась вниз, они действительно оставались там вдвоем с Валею Щербиной. Предварительно заперев дверь, Могилец ушла в магазин, а трех других девочек еще раньше забрали родители. Улучив момент и опасаясь повторного насилия приезжего толстяка, Катя сиганула с балкона.

Борисевич видел в открытое окно, как Валя с мамой и отчимом вышли из Управления. Степан быстро зашагал к машине, Галина и Валя едва поспевали за ним. Он уселся за руль, и когда жена и падчерица хотели забраться в салон, рванул с места. Женщина и девочка остались стоять на тротуаре. Галина громко зарыдала и полезла в сумочку за платком.

«Разыгрывает святого, наглый кобель», – заключил Борисевич и захлопнул окно. Женщина, променявшая материнский долг на любовь к пустоватому пьянице, жалости у него не вызывала. Усевшись за стол, следователь прокрутил пленку с допросом семейства Щербины и выписал ордер на арест Татьяны Аскольдовны Могилец.

* * *

Ален Булони в гольф играл плохо. Не помогли и занятия с известным тренером из Австралии Дугласом Хью. Но сдаваться американец итальянского происхождения не собирався. Он завел себе полный набор клюшек, стоивший не меньше приличного автомобиля, а его лайковая перчатка на правую руку и вовсе не имела цены, поскольку застегивалась на пуговку из десятикаратного бриллианта. Булони настойчиво пытался участвовать в соревнованиях, но всегда набирал на «паттинг-грине» столько штрафных, так что, еще не добравшись до зоны «ти», безнадежно отставал от соперников, да и количество ударов ему требовалось гораздо больше объявленного пара. Фирман тоже не мог похвастаться мастерством. Его шары часто оказывались в ловушках, а закатить шар в лунку даже с расстояния трех шагов у олигарха получалось редко. Зато часто попадал в древко флага, что в гольфе означает проигрыш лунки. Однако гольф – игра для богатых, а Фирман богат, и кто сможет запретить ему выходить на поле, если он член клуба?

Но сегодня двух партнеров, бредущих с клюшками по стриженной лужайке, качество игры не волновало. Ален привез Фигману добро Республиканской партии на его участие в выборах российского президента. Сам Ален ни в правительстве, ни в руководстве партии поста не занимал. Но при этом обладал большим влиянием, поскольку брал на себя дела, в которых публичные политики, сохраняя лицо, участвовать опасались. Вот и сейчас он приехал в Москву сообщить Фигману, что на Яшу готовы поставить в Белом доме. Естественно, истинной цели визита в Россию он посторонним не открывал. Официально Ален считался международным

аналитиком по перспективам развития трансконтинентальных компаний, и его командировка проходит в рамках профессиональной деятельности.

С Америкой Фигмана связывали не только крупный бизнес, но и непоколебимая уверенность олигарха в том, что американская модель демократии – единственная достойная подражания. Недаром Соединенные Штаты многое заимствовали у Древнего Рима. Даже их парламент зовется Сенатом. Но, как известно, римская демократия существовала за счет рабов. Те вкалывали, а граждане империи думали только о новых завоеваниях, чтобы этих рабов становилось еще больше. Американцы же порабощали других не силой оружия, а умением навязать свои ценности. Расходы на эти цели во много раз превышали возможности страны, но банкротство Америке пока не грозило. Мир погряз в долларе, и банкиры других стран будут стоять на ушах, чтобы спасти его, а заодно и экономику Штатов. Фигмана такое положение дел восхищало, он мечтал распространить американскую демократию и на Россию, что заокеанскую финансовую и политическую элиту вполне устраивало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.